

ТЕСС
ГЕРРИТСЕН
ЖАТВА

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Джекобу — моему мужу и лучшему другу

БЛАГОДАРНОСТИ

Сердечно благодарю Эмили Бестлер за деликатное и вдумчивое редактирование; Дэвида Баумена — за исчерпывающие сведения о русской мафии; трансплантационных координаторов Сьюзен Пратт из медицинского центра Пенобскот-Бей и Брюса Уайта из медицинского центра штата Мэн — за сведения по донорству органов и тканей; Пэтти Канн — за помощь в поиске данных на компьютере медицинской библиотеки; Джона Сарджента из Рокланда, штат Мэн, — за ценную информацию по части замков, а также Роджера Пеппера — за отправку мне материалов исследования.

И конечно же, огромное спасибо Мэг Рули и Дону Клири из агентства Джейн Ротроузен. Благодаря вам этот роман увидел свет.

1

Для своих лет он был коротышкой, заметно уступал ростом остальным ребятам, попрошайничавшим в подземных переходах возле метро «Арбатская». Но уже в одиннадцать он делал то же, что и они. Курить начал четырем годами ранее, подворовывать — тремя. А пару лет назад он впервые дал мужику — из тех, что пользуют мальчиков. Этот род занятий Якову не нравился, но дядя Миша велел ему не ломаться и не капризничать. Иначе на что они будут покупать хлеб и сигареты? Среди подопечных дяди Миши Яков был не только самым низкорослым. Он был еще и блондином, а дяди-Мишиным клиентам очень нравились светловолосые малолетки. Они даже не замечали, что у Якова нет левой руки. Просто не обращали внимания на сморщенную культу. Клиентов очаровывали его маленький рост, светлые волосы и решительный взгляд синих глаз.

Яков мечтал поскорее распрощаться с этим ремеслом и, подобно мальчишкам постарше, зарабатывать «облегчением» карманов. Каждое утро, просыпаясь в квартире дяди Миши, и каждый вечер, прежде чем уснуть, он хватался своей единственной рукой за изголовье кровати и тянулся, тянулся в надежде вырасти хотя бы на несколько миллиметров. Дядя Миша советовал ему бросить это бесполезное занятие. Яков был из породы низкорослых, и тут уж

ничего не изменишь. Женщина, которая семь лет назад оставила его наедине с громадной Москвой, тоже была низенькой. Яков едва помнил эту женщину и ничего не помнил из своей прежней домосковской жизни. Он знал лишь то, что рассказывал ему дядя Миша, но рассказам этим верил наполовину. В своем нежном возрасте Яков отличался не только маленьким ростом, но и достаточной житейской мудростью.

Вот и сейчас с присущим ему скептицизмом мальчишка поглядывал на мужчину и женщину, которые вместе с дядей Мишей сидели за обеденным столом и говорили о делах.

Эта парочка приехала на большой черной машине с тонированными стеклами. Мужчину звали Грегором. Он был в костюме с галстуком. На ногах — ботинки из натуральной кожи. Светловолосую женщину звали Надией. Ее одежда состояла из шерстяной юбки и дорогого шерстяного жакета. В руках она держала крепкого вида чемоданчик-дипломат. Надия была нерусская. Это поняли все обитатели квартиры. Наверное, американка. Или англичанка. По-русски она говорила хорошо, но с акцентом.

Пока мужчины за рюмкой водки обсуждали дела, женщина разглядывала тесную квартирку дяди Миши. Старые армейские койки, стоящие у стены, груды грязного постельного белья и четырех мальчишек, сбившихся в кучку. Все они молча и настороженно прислушивались к разговору взрослых. Надия поочередно обвела взглядом всех четверых. Глаза у нее были красивые, светло-серого цвета. Первым ее

взгляда удостоился самый старший — пятнадцатилетний Петр. Затем настал черед тринадцатилетнего Степана и десятилетнего Алексея.

Наконец она посмотрела на Якова.

Яков привык, что взрослые пристально разглядывают его, и потому спокойно смотрел на иностранку. К чему он не привык — так это к мимолетности внимания. Обычно приходившие сюда почти не смотрели на других мальчишек. Но сейчас внимание Надии было приковано к долговязому прыщавому Петру.

— Михаил Исаевич, вы приняли правильное решение, — сказала она дяде Мише. — Здесь у этих ребят нет будущего. А мы даем им такой редкий шанс!

Она улыбнулась мальчишкам.

Олух Степан тоже ей улыбнулся, будто влюбленный идиот. — Они ж по-английски не брешут, — ответил дядя Миша. — Только отдельные слова знают.

— Дети быстро овладевают чужим языком. Им это дается без усилий.

— Все равно им понадобится какое-то время. И на язык, и к чужой еде привыкнуть.

— Наше агентство хорошо знакомо с особенностями переходного периода. Мы имеем опыт работы с русскими детьми. С такими же сиротами, как эти. Некоторое время они пробудут в специальной школе и приспособятся к новой жизни.

— А если не смогут?

— Иногда бывает и такое, — помолчав, ответила

Надя. — Возникают трудности эмоционального характера.

Она снова обвела взглядом четверых подопечных дяди Миши.

— Кто-то из них вас особо беспокоит? — спросила Надя.

Яков прекрасно понимал, что речь о нем. Это он редко смеялся и никогда не плакал. Дядя Миша прозвал его «каменным малышом». Яков сам не знал, почему из него не выливаются слезы. Остальные мальчишки, стоило им пораниться или получить тумаков, распускали нюни. Яков в таких случаях просто выключал разум. Его разум становился похож на экран телевизора, когда поздно вечером прекращались передачи. Ни картинок, ни звуков, только успокаивающий белый шум.

— Они все хорошие ребята. Просто отличные ребята, — сказал дядя Миша.

Яков посмотрел на трех других парней. У Петьки был нависающий лоб и плечи, вывернутые вперед, как у гориллы. У Степки между маленькими сморщенными ушами помещался мозг размером с грецкий орех. Алешка до сих пор сосал палец.

«А я? — подумал Яков, глядя на свой жалкий обрубок. — У меня всего одна рука. Чего это мы у дяди Миши такие отличные?»

Однако тот продолжал нахвалить своих питомцев. Иностранка согласно кивала. Да, прекрасные ребята. Здоровые ребята.

— У них даже зубы хорошие! — подчеркнул дядя

Миша. — Гнилых совсем нет. Вы на моего Петьку посмотрите. Какой рослый.

— А вот этот заморыш какой-то, — сказал Грегор, указывая на Якова. — Что случилось у него с рукой?

— Родился таким.

— Из-за радиации?

— Ему это ничуть не мешает, — не отвечая на вопрос, сказал дядя Миша. — Он и одной управляет.

— Это не станет проблемой. — Надия поднялась. — А теперь мы должны ехать. Пора.

— Уже?

— У нас плотный график.

— Но... одежонку собрать...

— Наше агентство снабдит их одеждой. Получше, чем та, что на них сейчас.

— Неужели ехать нужно так срочно? Вы нам и проститься не дадите?

В глазах женщины мелькнуло раздражение.

— Прощайтесь, только недолго. Мы не хотим выбиться из графика.

Дядя Миша оглядел своих мальчишек, связанных с ним отнюдь не кровными узами и даже не любовью. Их свела взаимозависимость. Общность потребностей. Дядя Миша обнял каждого из четверых. Якова он обнимал чуть дольше и чуть крепче. От дяди Миши привычно пахло луком и сигаретами. Хорошие запахи. Однако Якову захотелось поскорее высвободиться. Он не любил, когда его трогают. Кто бы то ни был.

— Помни своего дядю Мишу, — шептал ему хозяин тесной квартирки. — Когда разбогатеешь в

Америке, не забывай того, кто о тебе заботился.

— Я не хочу в Америку, — сказал Яков.

— Так это ж лучше и для тебя, и для других сорванцов.

— Они пусть едут, а я хочу остаться здесь. Дядя Миша, я хочу остаться с тобой.

— Надо ехать.

— Почему?

— Потому что я так решил. — Дядя Миша схватил Якова за плечи и хорошенько встряхнул. — Я так решил.

Яков взглянул на ребят. Те радостно скалились.

«Они счастливы, — подумал он. — Чего ж я не радуюсь?»

— Я отведу детей в машину, — сказала Надя, беря Якова за руку. — А вы с Грегором подпишите документы.

— Дядя Миша! — окликнул Яков.

Но Михаил Исаевич стоял к нему спиной и смотрел в окно. Надя вывела мальчишек на лестничную площадку, и они стремглав понеслись с четвертого этажа на улицу, вкладывая в спуск всю свою неукротимую энергию. Их стоптанные ботинки гулко стучали по ступенькам. Хорошо, что на лестнице было пусто.

Уже на первом Алешка вдруг застыл.

— Я Шу-Шу забыл! — крикнул он и метнулся к лестнице.

— Вернись! — потребовала Надя. — Не смей подниматься наверх!

— Я ее там не оставлю!

— Я кому сказала, вернись! — прикрикнула на него Надия. Но Алексей уже бежал вверх. Надия приготовилась броситься вдогонку, когда Петр сказал: — Алешка без Шу-Шу все равно не поедет.

— Что еще за чертова Шу-Шу? — сердито спросила иностранка.

— Плюшевая собачонка. Алешка ее везде с собой таскает.

Женщина встала возле лестничного пролета и задрала голову. Алексей был уже на четвертом этаже. В глазах Надии мелькнуло нечто, чего Яков не понял.

Настороженность, что ли?

Казалось, Надия не знала, бежать вслед за Алешкой или плюнуть на него. Когда на четвертом этаже хлопнула дверь и вниз чуть ли не кубарем скатился этот малолетний дурень, радостно сжимая в руках старую засаленную мягкую игрушку, женщина чуть в обморок не упала от облегчения.

— Вот она! — радостно бормотал мальчишка, обнимая свое грязное сокровище.

— Теперь идемте! — приказала Надия, открывая дверь.

Все четверо втиснулись на заднее сиденье машины. Яков оказался почти что на коленях у Петра.

— Обязательно свою костлявую задницу на меня класть? — проворчал Петр. — Подвинься.

— Куда? Тебе на морду?

Петр пихнул его локтем. Яков в долгу не остался.

— А ну прекратите! — прикрикнула с переднего

сиденья Надия. — Ведите себя прилично.

— Нам тут тесно, — пожаловался Петр.

— Ничего, устройтесь. И сидите тихо!

Надия все время смотрела на дом. На окна дяди-Мишиной квартиры.

— Почему не едем? — спросил нетерпеливый Алешка.

— Грегор подписывает документы.

— И долго еще?

— Недолго, — ответила Надия, откидываясь на спинку сиденья и глядя перед собой.

«Уф, пронесло», — подумал Грегор, когда за обрадованным Алешкой вторично закрылась дверь.

Появись этот маленький придурок чуть позже, тут бы такое замутилось. Надия дура, что ли? Не могла удержать пацана? Грегор с самого начала был против ее участия, однако Рейбен настоял. Сказал, что женщины вызывают доверие.

Топот Алешкиных ног становился все тише. Потом хлопнула дверь парадной. Тогда Грегор повернулся к сутенеру.

Дядя Миша стоял у окна и смотрел на улицу, на черную машину, в которой сидели его питомцы. Растопыренная ладонь с жирными пальцами елозила по стеклу. Дядя Миша все еще прощался с мальчишками. В его глазах стояли слезы.

Однако первые слова дяди Миши были не о мальчишках, а о деньгах.

— В дипломате?

— Да, — ответил Грегор.

— Вся сумма?

— Двадцать тысяч американских долларов. По пять тысяч за каждого ребенка. Вы же согласились на эту цену.

— Да, — вздохнул дядя Миша, проводя рукой по своему морщинистому лицу.

Морщины были не столько признаком возраста, сколько результатом сильного пристрастия Михаила Исаевича к водке и сигаретам.

— Они попадут в хорошие семьи?

— Надия позаботится об этом. Вы же знаете, она любит детей. Потому и выбрала такую работу.

— Может, она и мне подберет хорошую американскую семейку? — Он выдавил жалкую улыбку.

Грегору пришлось взять его за плечи и отвернуть от окна.

— Не тяните время. Вот деньги. Если хотите, пересчитайте. Дядя Миша щелкнул замком, открыл крышку. Внутри лежали аккуратные пачки американских долларов. Двадцать тысяч. Сумма, которой ему с лихвой хватит, чтобы утопить в водке собственную печень.

«Дешево же в наши дни стоит человеческая душа», — подумал Грегор.

На улицах новой России можно было купить что угодно. Ящик израильских апельсинов, американский телевизор, женские ласки. Возможности повсюду — умей лишь копнуть и воспользоваться. Сметливые и

талантливые пользовались.

Дядя Миша смотрел на деньги, на свои деньги, но во взгляде не было ликования. Наоборот. Пачки купюр вызывали у него неприязнь, если не отвращение. Он защелкнул крышку дипломата и стоял, склонив голову и упираясь руками в прочный черный пластик.

Грегор встал у дяди Миши за спиной, достал автоматический пистолет с глушителем и дважды выстрелил сутенеру в голову.

Дальнюю стену забрызгало кровью и серым веществом. Дядя Миша ничком повалился на пол, увлекая за собой столик. Черный чемоданчик тоже упал, глухо стукнувшись о покрытый ковром пол.

Грегор торопливо схватил дипломат, пока тот не залило кровью. Ошметками дяди-Мишиных мозгов забрызгало боковую стенку. Грегор дернул дверь туалета, оторвал кусок туалетной бумаги и тщательно вытер пластик. Бумагу скомкал и спустил в унитаз. Затем вернулся в комнату, где лежал дядя Миша. Лужица крови успела превратиться в лужу и пропитать вторую ковравую дорожку.

Грегор еще раз оглядел комнату. Работа сделана, улики нет. Его подмывало забрать с собой недопитую бутылку водки, но он удержался. Мелкота пристанет с вопросами. Ведь водку выставил их дядя Миша. Грегору не хватало терпения отвечать на вопросы мальчишек. Разговоры с ними — забота Надии.

Он защелкнул входную дверь и спустился вниз.

Надия с ребятней ждали его в машине. Грегор

открыл дверцу и нырнул на водительское сиденье. Надия посмотрела на него. В ее глазах ясно читался вопрос.

— Все бумаги подписаны? — уточнила она.

— Да. Все без исключения.

Надия откинулась на спинку сиденья. Она вздохнула громко и с явным облегчением. Грегор завел мотор.

«Не годится эта баба для таких дел», — подумал он.

Что бы там Рейбен ни болтал, но Надия только мешала.

На заднем сиденье шумно возились. Грегор взглянул в зеркало. Мальчишки всю толкались и пихались. Все, кроме самого маленького. Яков смотрел прямо перед собой. Их глаза встретились, и у Грегора возникло неприятное чувство. Ему показалось, что на него смотрят глаза взрослого человека, неизвестно как оказавшиеся на детском лице.

Потом Яков повернулся и ударил соседа в плечо. Возня стала еще шумнее. В воздухе замелькали мальчишечьи руки.

— Ведите себя прилично! — прикрикнула Надия. — Нам далеко ехать. В Ригу.

Мальчишки уgomонились. Ненадолго на заднем сиденье стало тихо. Потом в зеркале заднего обзора Грегор увидел, как паренек со взрослыми глазами локтем двинул соседа под ребра.

Грегор улыбнулся и подумал, что беспокоиться нет

причин. Дети как дети.

2

Время перевалило за полночь. Карен Террио вела две битвы сразу: со своими глазами, заставляя их не закрыться, и с собой, заставляя себя ехать дальше.

Большую часть двух последних дней Карен провела за рулем. Она уехала сразу после похорон тети Дороти и с тех пор почти безостановочно добиралась домой. Останавливалась она лишь, чтобы удовлетворить потребности организма — немного вздремнуть, проглотить гамбургер и влить в себя очередную чашку кофе. Она не считала чашки, но их было много. Очень много. Воспоминания о похоронах тетки успели потускнеть и превратиться в цепь разрозненных эпизодов двухдневной давности. Увядающие гладиолусы. Родственники, чьих имен она не помнила. Черствые сэндвичи. И обязательства. Чертова пропасть родственных обязательств.

Сейчас Карен хотела только одного: добраться домой.

Она знала, что нельзя испытывать организм на прочность. Разумнее всего было бы съехать на обочину и полчаса подремать. Но от Бостона ее отделяли всего пятьдесят миль. В последний раз она остановилась возле закусочной «Данкин донатс» и выпила три чашки кофе. Это немного помогло, дав ей сил продержаться от Спрингфилда до Стербриджа. Однако действие кофеина ослабевало. Карен могла

убеждать себя, что бодрствует, но то и дело клевала носом. Более того, на какую-то секунду она даже заснула за рулем.

Впереди показалась неоновая вывеска закусочной «Бургер кинг». Карен свернула с шоссе.

Войдя в закусочную, она заказала кофе, маффин с черникой и села за ближайший столик. Свободных мест в это время суток было предостаточно. Посетителей было немного, и выглядели они одинаково. У всех были не лица, а бледные маски, олицетворяющие крайнее утомление.

«Призраки шоссе», — подумала Карен.

Ночью их встретишь в каждой придорожной закусочной. В зале было неестественно тихо. Как и Карен, эти люди старались не поддаваться сну, чтобы снова сесть за руль.

За соседним столиком сидела удрученного вида женщина с двумя малолетними детьми. Дети тихо и сосредоточенно жевали печенье. Светловолосые, хорошо воспитанные детишки. Карен сразу подумала о своих дочерях-близняшках. Завтра у них день рождения, а сейчас они крепко спят. Завтра обеим исполнится тринадцать. Еще на год дальше от детства.

«Когда вы проснетесь, я уже буду дома».

Она взяла вторую чашку кофе, защелкнула пластиковую крышку и вернулась к своей машине.

В голове прояснилось. Она одолеет остаток расстояния. Всего пятьдесят миль. Еще какой-нибудь час, и она войдет к себе домой. Карен включила двигатель и вырулила со стоянки.

«Пятьдесят миль, — думала она. — Всего-то пятьдесят миль».

А в двадцати милях от места, где в тот момент находилась Карен, в машине, припаркованной возле магазина «Севен-илевен»¹, Винс Лори и Чак Сервис приканчивали последние пять банок пива. Пили они уже четыре часа подряд, устроив маленькое дружеское состязание. Победит тот, кто одолеет больше жестянок пива «Бад» и при этом не блеванет. Чак был впереди на одну банку. Счет выпитому они давно потеряли. Точное количество они узнают завтра, когда подсчитают пустые банки, высившиеся двумя горками на заднем сиденье.

Но Чак безусловно был впереди. Мало того, он еще вовсю хвастался этим, что сильно злило Винса. Чак всегда и во всем его опережал. Винс считал их состязание нечестным. Он мог бы взять реванш, однако кончилось пиво. Чак меж тем нагло ухмылялся, хотя прекрасно знал, что приобрел фору нечестным путем.

Винс толкнул дверцу и выбрался с водительского сиденья наружу.

— Куда собрался? — спросил Чак.

— Возьму еще пивка.

— В тебя больше не влезет.

— Мне лучше знать! — огрызнулся Винс.

Пошатываясь, он двинулся через стоянку к двери «Севен-илевен».

— Ты даже идти не можешь! — со смехом крикнул

ему Чак.

«Придурок!» — зло подумал Винс.

Пусть этот долбаный Чак не врет: он прекрасно может идти. Вот, уже дошел до двери. Сейчас он войдет в магазин, возьмет две упаковки «Бада»... Нет, даже три. Он спокойно выпьет все три. Желудок у него железный, только отливать постоянно требует. А во всем остальном — полный о'кей.

У входа Винс споткнулся. Да за такие высоченные пороги судить нужно! Главное, он устоял на ногах. Подойдя к шкафу-холодильнику, Винс достал три шестибаночных упаковки пива. Балансируя с ними в проходе, он доковылял до стойки и бросил кассиру двадцатидолларовую бумажку.

Продавец посмотрел на деньги и покачал головой.

— Не могу взять, — сказал он.

— Что значит, не можешь взять?

— Я не имею права продавать пиво нетрезвым покупателям.

— Хочешь сказать, я пьян?

— Совершенно верно.

— Видишь эту бумажку? Целых двадцать долларов. И не хочешь обменять ее на пиво?

— Я не хочу отвечать за нарушение правил. Так что, сынок, верни-ка пиво на место и лучше возьми чашку кофе. И хот-дог.

— Да не нужны мне твои вонючие хот-доги!

— Тогда, парень, на выход шагом марш.

Винс швырнул одну упаковку на прилавок, но не рассчитал бросок. Картонка скользнула вниз и

шлепнулась на пол. Винс хотел было проделать то же самое со второй упаковкой, но кассир достал пистолет. Винс удивленно разинул рот. Его рука застыла в воздухе.

— Пошел вон из магазина! — потребовал кассир.

— О'кей, — пробормотал Винс, послушно поднимая руки. — Как скажете...

Он покинул магазин, снова споткнувшись на пороге.

— И где пиво? — спросил Чак, когда Винс плюхнулся на водительское сиденье.

— Кончилось.

— Быть не может, чтобы у них кончилось пиво.

— А я тебе говорю, кончилось. Понял?

Винс завел двигатель и надавил на акселератор. Машина рванула со стоянки.

— И куда мы теперь едем? — поинтересовался Чак.

— Искать другой магазин, — сощурившись, ответил Винс. — Слушай, где тут пандус? Должен быть где-то здесь.

— Парень, хватит подвигов. Пиво в тебя уже не лезет. После первого же глотка ты уделаешь весь салон.

— Я спрашиваю, где этот долбаный пандус?

— Думаю, ты его уже проскочил.

— Ошибаешься.

Винс крутанул руль влево. Шины с визгом переваляли через поребрик.

— Послушай... Я тебе серьезно говорю.

— У меня есть целых двадцать долларов. И кому-то они нужны. Кто-то их возьмет.

— Винс, ты едешь не той дорогой!

— Чего?

— Ты едешь не той дорогой! — крикнул Чак.

Винс мотнул головой и попытался сосредоточиться на дороге, но фонари слишком ярко светили ему прямо в лицо, слепя глаза. С каждой секундой они почему-то становились все ярче.

— Сворачивай вправо! — заорал Чак. — Это же машина! Вправо сворачивай!

Винс повернул вправо. Огни тоже.

Потом он услышал крик... жуткий, незнакомый голос.

Не крик Чака. Его собственный.

Доктор Эбби Ди Маттео не просто устала. Она дико, нечеловечески устала — так, как еще никогда в жизни не уставала. Она провела на ногах двадцать девять часов подряд, и это было более чем заметно. Десять минут, которые ей удалось подремать в комнате ожидания рентгеновского кабинета, — не в счет.

Моя руки в реанимации хирургического отделения, Эбби глянула в зеркало и поморщилась. На нее смотрела изможденная женщина. Круги под глазами (почти под цвет глаз), нечесанные черные волосы, превратившиеся в спутанную гриву. Десять часов утра. Ей бы душ принять. Куда там! Даже зубы не чистила. Ее завтрак состоял из яйца вкрутую и

чашки сладкого кофе. Спасибо хирургической сестре, позаботилась о ней. Ланч представлялся Эбби великим счастьем. А уж уйти из клиники в пять и к шести добраться домой — это вообще было бы запредельным блаженством. Даже просто посидеть на стуле казалось ей роскошью.

Но попробуй посиди во время понедельничного утреннего обхода! Особенно если его проводит доктор Колин Уэттиг — руководитель хирургической ординатуры клиники Бейсайд. В армии он был генералом медицинской службы и отличался тем, что любил задавать неожиданные и порою беспощадные вопросы, требуя четких, обоснованных ответов. За глаза его так и звали — Генералом. Эбби боялась Генерала. И не только она. Генерала боялись все ординаторы.

Сейчас в реанимации хирургического отделения собралось одиннадцать ординаторов. Они стояли полукругом. Одни были в белых халатах, другие — в зеленых хирургических костюмах. Все внимательно смотрели на руководителя, зная, что каждый из них в любой момент может подвергнуться допросу с пристрастием. Оплотать с ответом означало обречь себя на длительное унижение. У Генерала оно имело личностную окраску.

Группа уже побывала у коек послеоперационных больных, где обсуждала лечебные планы и прогнозы. Теперь все стояли возле койки № 11, где лежала новая пациентка, порученная заботам Эбби. Генерал и коллеги-ординаторы ждали от нее подробностей

истории болезни.

Планшет с записями, который Эбби держала в руке, ей не требовался. Историю болезни она читала по памяти, глядя в неулыбчивое лицо Генерала.

— Возраст пациентки — тридцать четыре года. Белая. Поступила сегодня в час ночи. Передана нам травматологической службой. Лобовое столкновение на девяностой трассе. Автомобиль пациентки двигался с большой скоростью. На месте катастрофы пациентке была проведена интубация и ряд необходимых действий по стабилизации состояния, после чего вертолетом ее доставили в нашу клинику. В отделении неотложной помощи у пациентки были выявлены множественные травмы. Среди них — сложный и вдавленный переломы черепа, перелом левой ключицы и плечевой кости, а также множественные ранения лица. Согласно первичному осмотру, произведенному мною, пациентка относится к типу упитанных женщин среднего телосложения. В настоящий момент пациентка не проявляет реакций ни на какие раздражители, за исключением постуральных, вызывающих у меня сомнение...

— Значит, у вас они вызывают сомнение? — спросил доктор Уэттиг. — Как прикажете это понимать? Постуральные реакции либо есть, либо нет. Вот я и хочу знать: они у пациентки есть или нет?

У Эбби колотилось сердце. Черт, Генерал уже к ней прицепился. Проглотив слюну, она ответила: — Иногда конечности пациентки сокращаются в ответ на болезненные раздражители. А иногда... нет.

— На чем основана ваша интерпретация? Чем вы измеряли двигательные реакции? Вы использовали шкалу Глазго для определения глубины комы?

— Поскольку нулевая реакция оценивается единицей, а наличие постуральных реакций — двойкой, у пациентки этот показатель равняется... полутора.

Ординаторы сдержанно засмеялись.

— На шкале Глазго нет показателя со значением полтора, — заметил доктор Уэттинг.

— Мне это известно, — пробормотала Эбби. — Но состояние пациентки не соответствует целым значениям...

— Продолжайте отчет, — перебил ее Генерал.

Эбби перевела дыхание, оглядев своих коллег-ординаторов. Неужели она уже испортила себе репутацию? Времени на мысленный анализ сказанного у нее не было. Надо продолжать.

— Основные показатели пациентки: давление — девяносто на шестьдесят, пульс — сто ударов в минуту. Как я уже говорила, ей сделали интубацию. Спонтанное дыхание отсутствует. Дыхание полностью обеспечивается за счет механической вентиляции легких со скоростью двадцати пяти вдохов в минуту.

— Почему выбрали такую скорость?

— Для поддержания легких пациентки в состоянии гипервентиляции.

— Зачем?

— Чтобы понизить содержание углекислоты в ее крови и тем самым свести к минимуму отек мозга.

— Продолжайте.

— Как я уже говорила, осмотр головы выявил сложные и вдавленные переломы черепа левой теменной и левой височной областей. Наличие сильных припухлостей и ран на лице затруднило осмотр лица и выявление возможных переломов лицевых костей. Зрачки пациентки находятся в среднем положении. Реакция отсутствует. Ее нос и горло...

— А окулоцефалические рефлексy?

— Я их не проверяла.

— Не проверяли?

— Нет, сэр. Не хотела трогать шею пациентки из-за возможного вывиха позвоночника.

Легкий кивок Генерала свидетельствовал, что ее ответ принят.

Эбби принялась описывать состояние отдельных органов пациентки. Дыхание — нормальное. Сердце — без видимых патологий. Живот мягкий. Доктор Уэттиг ее не перебивал. К концу рассказа о неврологическом осмотре жертвы ДТП Эбби говорила увереннее, даже с вызовом. А почему она должна робеть? Она же хорошо знает свое дело.

— И каковы были ваши впечатления перед тем, как вы увидели рентгенограммы? — спросил доктор Уэттиг.

— Среднее положение зрачков и отсутствие реакции, — начала Эбби, — позволяют говорить о возможном сдавлении среднего мозга. Вероятнее всего, вследствие субдуральной или эпидуральной

гематомы.

Эбби помолчала и уже с тихой, но явной уверенностью в голосе продолжила: — Это подтверждается данными компьютерной томографии. Выявлена обширная левосторонняя субдуральная гематома со значительным линейным смещением. Для удаления сгустков нам пришлось обратиться к нейрохирургам.

— Итак, доктор Ди Маттео, вы утверждаете, что ваши первоначальные впечатления полностью подтвердились?

Эбби кивнула.

— А теперь посмотрим, каково состояние пациентки на данный момент, — сказал доктор Уэттиг, подходя к койке.

Ручкой-фонариком он посветил в глаза пациентки.

— Зрачки не реагируют, — сказал Генерал.

Костяшками пальцев он сильно нажал на грудину. И снова — никакой реакции. Тело пациентки даже не шевельнулось.

— Реакции на боль также нет. Ни постуральных, ни каких-либо иных реакций.

Все ординаторы вплотную окружили койку, но Эбби осталась стоять в ногах пациентки, внимательно глядя на забинтованную голову. Пока доктор Уэттиг проводил осмотр: стучал резиновым молоточком по сухожилиям, сгибал пациентке локти и колени, Эбби чувствовала, как на нее вновь наваливается усталость. Она уже не следила за действиями Генерала. Взгляд Эбби был устремлен на голову пациентки. Перед

приходом нейрохирургов той состригли все волосы. Эбби помнила волосы этой женщины: каштановые, густые, перепачканные кровью, в осколках лобового стекла. Осколки застряли и в ее одежде. В приемном покое Эбби помогала медсестрам раздевать пациентку. Блузку пришлось разрезать. Бело-голубую-шелковую блузку с лейблом дома моды Донны Каран. Почему-то эта деталь глубоко врезалась Эбби в память. Не кровь, не сломанные кости, не покаленное лицо. Блузка от Донны Каран. У Эбби дома тоже была блузка от Донны Каран. Она представила, как ее пациентка, тогда еще здоровая и полная сил, замирает у стойки, перебирая вешалки с блузками. Эбби даже услышала характерное поскрипывание вешалок, передвигаемых по металлу...

Доктор Уэттиг закончил осмотр.

— Когда дренировали гематому? — спросил он у хирургической медсестры.

— Около четырех часов утра, когда пациентку перевезли сюда из реанимации.

— То есть шесть часов назад?

— Получается, так.

— Тогда почему мы не наблюдаем никаких изменений?

Теперь вопрос доктора Уэттига был адресован Эбби.

Эбби вынырнула из полудремы. Все собравшиеся смотрели на нее. Она не торопилась с ответом и вначале еще раз оглядела пациентку. Грудь пациентки ритмично поднималась и опускалась, подчиняясь

аппарату искусственной вентиляции легких.

— Причиной... могут являться послеоперационные опухоли, — сказала она, глядя на монитор. — Внутричерепное давление немного возросло... на двадцать миллиметров.

— Как по-вашему, оно достаточно высокое, чтобы вызвать изменения в реакциях зрачков?

— Да. Но...

— Вы ее осматривали сразу же после операции?

— Нет, сэр. Тогда ею занимались нейрохирурги. Я разговаривала с их ординатором, и он мне сообщил...

— Я спрашиваю мнение не того ординатора, а ваше, доктор Ди Маттео. Вы обнаружили у пациентки субдуральную гематому, которая была удалена. Тогда почему через шесть часов после операции ее зрачки по-прежнему в среднем положении и не реагируют на раздражители?

Эбби мешкала с ответом. Генерал внимательно смотрел на нее. Остальные — тоже. Шелест аппарата искусственной вентиляции легких лишь усугублял унижительную тишину.

Доктор Уэттиг властно обвел глазами окружавших его ординаторов.

— Кто-нибудь поможет доктору Ди Маттео ответить на мой вопрос?

Эбби расправила плечи:

— Я сама отвечу.

— Да? — удивился доктор Уэттиг, поворачиваясь к ней.

— Зрачковые изменения... постуральные реакции

конечностей... они свидетельствовали о состоянии верхнего отдела среднего мозга. Минувшей ночью я предположила, что это вызвано субдуральной гематомой, оказывавшей давление на средний мозг. Но поскольку состояние пациентки не улучшилось, я... думаю, что ошиблась.

— Думать, что ошибся, и ошибаться — разные понятия. Какое из них ваше?

— Я ошиблась, — выдохнула Эбби.

— И какой диагноз вы поставите сейчас?

— Кровоизлияние в средний мозг. Его могла вызвать сила срезывания. Или остаточное повреждение, спровоцированное субдуральной гематомой. Пока что при томографическом сканировании это может и не проявляться.

Лицо доктора Уэттига оставалось непроницаемым. Затем он повернулся к ординаторам.

— Что ж, кровоизлияние в средний мозг — это вполне обоснованное предположение. Добавим сюда показатель глубины комы. По шкале Глазго он равен трем... — Он взглянул на Эбби. — Точнее, трем с половиной. Оба фактора говорят нам, что прогноз на выздоровление равен нулю. Пациентка не в состоянии самостоятельно дышать. У нее отсутствует самопроизвольное движение конечностей. Судя по всему, рефлексы ствола мозга также отсутствуют. В данный момент у меня нет иных предложений, кроме искусственного поддержания жизни пациентки. Советую рассмотреть вопрос об использовании здоровых органов для трансплантации.

Генерал удостоил Эбби легким кивком и направился к койке другого пациента.

— Поздравляю, Ди Маттео, — шепнул один из ординаторов, пожимая ей руку.

— Спасибо, — устало кивнула Эбби.

Вивьен Чао, старший ординатор отделения общей хирургии, в ординаторской среде Бейсайда считалась личностью легендарной. Все началось с ее первого дежурства, когда Вивьен была еще интерном. Через два дня у ее напарницы произошел психический срыв. Кончилось тем, что безутешно рыдающую девушку поместили в палату для душевнобольных, а все тяготы дежурства легли на плечи Вивьен. Двадцать девять дней подряд она оставалась единственным дежурным хирургом-ортопедом. Ее дежурства длились круглые сутки. Вивьен поселилась в ординаторской, куда перевезла все необходимое. Питалась она исключительно в больничном кафетерии и на этой скудной диете быстро потеряла пять фунтов. Все двадцать девять дней Вивьен не покидала клиники. На тридцатый день, выйдя в окружающий мир, она не обнаружила своей машины. Оказалось, что работники стоянки сочли ее автомобиль брошенным и вызвали службу эвакуации.

Через четыре дня, заступив на новое дежурство, Вивьен узнала, что ее коллега-интерн, занимавшийся сосудистой хирургией, попал под городской автобус и был госпитализирован с переломом крестца. И вновь кто-то должен был закрыть брешь.

Вивьен Чао опять переехала жить в ординаторскую.

Этим она заслужила высокую репутацию, показав себя не только опытным врачом, но и человеком, преданным интересам клиники. Позднее ее репутация была подтверждена на ежегодном торжественном обеде, где награждали отличившихся врачей. Вивьен вручили изящную коробочку с двумя стальными шариками.

Когда Эбби впервые услышала о подвигах Вивьен Чао, ей было трудно связать стальные шарики (символ стальной воли и безупречной репутации) с обликом хрупкой немногословной китайки. Из-за маленького роста Вивьен оперировала стоя на подставке. Во время обходов она преимущественно молчала, зато всегда вставала впереди. На ее лице не было ничего, кроме внимания и холодного бесстрастия.

Вот и сегодня днем, когда Вивьен зашла в реанимацию хирургического отделения, ее лицо хранило привычную непроницаемость. Эбби тем временем отчаянно сражалась со своей непомерной усталостью. Каждый шаг давался ей с трудом, каждое решение требовало напряжения воли. Она даже не замечала стоявшую рядом Вивьен, пока та не сказала: — Я слышала, к тебе поступила пациентка с серьезной травмой головы. Четвертая группа крови, резус положительный.

Эбби подняла голову от карточки, куда записывала текущее состояние больного.

— Да. Вчера ночью привезли.

— Она еще жива?

Эбби посмотрела в сторону отсека с койкой № 11.

— Смотри что ты понимаешь под словом «жива».

— Сердце и легкие не затронуты?

— Функционируют.

— Возраст?

— Тридцать четыре года. А почему ты спрашиваешь?

— У меня в свое время был пациент. Я тогда проходила учебную практику. Он страдал сердечной недостаточностью в последней стадии. Такая же группа крови: четвертая, резус положительный. Очень ждал новое сердце.

Вивьен подошла к стойке с карточками пациентов.

— Какая койка?

— Одиннадцатая.

Вивьен взяла нужную карточку, откинула металлическую обложку и стала просматривать записи. Ее лицо не выдавало никаких эмоций.

— Она уже не моя пациентка, — пояснила Эбби.

— Я передала ее нейрохирургам. Они дренировали субдуральную гематому.

Вивьен читала.

— После операции прошло всего десять часов, — сказала Эбби. — Мне кажется, пока еще рано говорить о донорстве.

— Насколько вижу, у нее никаких неврологических изменений.

— Никаких. Но есть шанс...

— С тройкой по шкале Глазго? Я так не думаю.

Вивьен закрыла карточку, вернула на стойку и направилась в отсек, где находилась койка № 11. Эбби последовала за ней.

Встав в проеме двери, Эбби смотрела, как Вивьен быстро проводит физический осмотр. Так же сосредоточенно, без лишних движений китаянка работала и в операционной. Она оперировала легко, совершенно не напрягаясь. В свой первый год, еще будучи интерном, Эбби часто присутствовала на операциях Вивьен и всегда восхищалась ее маленькими быстрыми руками с тонкими, чуть ли не детскими пальчиками. Эти пальчики умели вязать идеальные хирургические узлы, Эбби буквально замирала от благоговейного восторга. Сама она часами упражнялась, изводя ярды ниток и покрывая хирургическими узлами ручки комодных ящиков. Технику вязания Эбби освоила, и достаточно хорошо, однако она знала: ее руки никогда не сравнятся с волшебными руками Вивьен Чао.

Но сейчас безупречные движения рук Вивьен, осматривавших Карен Терриу, сильно пугали Эбби.

— По-прежнему никакой реакции на болезненные раздражители, — заметила ей Вивьен.

— Еще рано.

— Может, и рано. А может, и нет.

Достав из кармана молоточек, Вивьен принялась проверять реакцию сухожилий.

— Эта пациентка — настоящий подарок судьбы.

— Не понимаю, как ты можешь так говорить.

— У меня в отделении интенсивной терапии есть

пациент. Группа крови и резус такой же, как у нее. Он уже целый год ждет донорское сердце. Думаю, ее сердце идеально подошло бы.

Эбби смотрела на неподвижную Карен Террио. Ей снова вспомнилась бело-голубая блузка. Интересно, о чем думала эта женщина, в последний раз надевая блузку и застегивая пуговицы? Наверное, о каких-то обычных мелочах. Уж явно не о своей смерти. И не о больничной койке, трубках капельниц или машинах, нагнетающих воздух ей в легкие.

— Хотелось бы заблаговременно сделать лимфатическую перекрестную пробу. Надо убедиться в совместимости, — сказала Вивьен. — Можно было бы провести тесты и на лейкоцитарные антигены других органов. Ей уже делали электроэнцефалограмму?

— Я больше не веду эту пациентку, — напомнила Эбби. — Тем не менее разговор о донорстве мне кажется преждевременным. Мы еще даже не говорили об этом с ее мужем.

— Кому-то придется с ним поговорить.

— У нее есть дети. Им понадобится время, чтобы понять.

— У детей есть время, а у органов их матери его совсем немного.

— Я знаю. Конечно, все к этому идет. Но после операции прошло чуть больше десяти часов.

Вивьен подошла к раковине и стала мыть руки.

— Неужели ты надеешься на чудо?

У двери отсека появилась хирургическая

медсестра:

— Пришел муж этой женщины. С ним дети. Они ждут, когда их пустят. Сказать, чтобы еще подождали?

— Я закончила, — сказала Вивьен.

Бросив в мусорную корзину скомканное бумажное полотенце, она ушла.

— Можно их позвать? — спросила у Эбби медсестра.

Эбби сразу представила, какая картина откроется глазам детей Карен Террио.

— Пусть еще немного подождут, — сказала она медсестре.

Подойдя к койке, Эбби расправила одеяло, потом смочила бумажное полотенце и оттерла с щеки Карен засохшую слизь. Пластиковый контейнер с мочой она задвинула в дальний угол, чтобы тот не так бросался в глаза. Отойдя к двери, Эбби в последний раз взглянула на Карен Террио. Нет, ни она, ни кто-либо другой уже не в силах помочь этой женщине, равно как и уменьшить страдания, выпавшее на долю ее мужа и дочерей.

Вздыхнув, она кивнула медсестре:

— Можете позвать ее близких.

К половине пятого Эбби едва понимала, о чем пишет. Глаза смотрели в разные стороны, она с невероятным трудом возвращала их в фокус. Дежурство длилось уже тридцать три с половиной часа. К счастью, оно закончилось. Наконец-то она

поедет домой.

Но, сделав последнюю запись в последней карточке, Эбби вдруг обнаружила, что смотрит на дверь отсека Карен Террио. Она пошла туда, встала у изголовья, оцепенело глядя на лежащую Карен. Неужели нельзя ничего придумать? Совсем ничего?

Она даже не слышала шагов за спиной.

— Привет, несравненная, — раздался мужской голос.

Только тогда Эбби обернулась.

Перед ней стоял темноволосый, синеглазый доктор Марк Ходелл. Он улыбался. Его улыбка предназначалась только для Эбби. Как же ей сегодня не хватало этой улыбки. Чаще всего встречи Эбби и Марка ограничивались недолгим совместным ланчем, а то и приветственным жестом в больничных коридорах. Сегодня они вообще не виделись, и появление Марка отозвалось в Эбби приливом тихой радости. Наклонившись, он поцеловал ее. Потом, отойдя на шаг, оглядел растрепанные волосы и мятый халат.

— Вижу, у тебя была тяжелая ночь, — сочувственно пробормотал Марк. — Сколько удалось поспать?

— Не знаю. Наверное, полчаса.

— До меня дошли слухи, что утром ты стойко выдержала битву с Генералом.

— Достаточно того, что он не вытер об меня ноги, — пожалала плечами Эбби.

— Так это уже победа.

Эбби улыбнулась, но стоило ей снова взглянуть на койку № 11, как улыбка погасла. Карен Террио была густо опутана трубками и проводами. Вентилятор, инфузионный насос. Аспирационные трубки. Мониторы, показывающие электрокардиограмму, кровяное и внутричерепное давление. Каждую функцию организма Карен измеряло и контролировало какое-нибудь устройство. Зачем в эпоху новых технологий прощупывать у пациента пульс или прикладывать руки к груди, проверяя сердцебиение? Зачем вообще нужны врачи, если машины все могут делать сами?

— Она поступила ко мне минувшей ночью, — сказала Эбби. — Тридцать четыре года. Замужем, двое дочерей-близняшек. Они приходили ее навестить. И знаешь, Марк, что меня поразило? Никто из них к ней даже не прикоснулся. Ни муж, ни дети. Просто стояли, смотрели... и только. Я думала: «Ну почему вы такие равнодушные? Подойдите к ней, возьмите за руку, погладьте лоб. Это ведь ваш последний шанс пообщаться с женой и матерью. Другого не будет». Но они стояли как истуканы. Может, от шока? Потом спохватятся...

Эбби тряхнула головой и быстро провела рукой по глазам.

— А попала она сюда по вине одного пьяного придурка. Представляешь? Его вынесло на встречную полосу. Лобовое столкновение. И знаешь, Марк, что злит меня сильнее всего? Невероятно злит. Этот придурок останется жить. Он сейчас наверху, в

ортопедии. Скулит из-за пары поганных сломанных костей.

Эбби сделала глубокий вдох. Она выдыхала воздух, вместе с ним выдавливая из себя гнев.

— Боже мой, я пошла в медицину, чтобы спасти жизни. Но сейчас я сильнее всего желаю, чтобы она отделалась переломами, а этого подонка размазало по шоссе... Думаю, мне пора домой, — добавила она, поворачиваясь к Марку.

Марк погладил ей спину. Жест был успокаивающим и одновременно властным, он говорил о том, что Эбби — его женщина.

— Пошли, — сказал Марк. — Я провожу тебя до машины.

Они покинули отделение интенсивной терапии и вошли в лифт. В кабине ноги Эбби сразу же стали ватными, и она повисла у Марка на плече. Марк же обнял ее, окутав привычным теплом своих сильных рук. Его объятия были для Эбби островком безопасности. Рядом с ним она ничего не боялась.

Всего лишь год назад присутствие Марка Ходелла не вселяло в нее такой уверенности. Эбби тогда была интерном, а Марк — штатным торакальным хирургом. Он был не просто опытным врачом. Марк был ключевой фигурой в команде хирургов Бейсайда, проводящих пересадки сердца. Встретились они за операционным столом, спасая десятилетнего мальчишку. Его привезли в клинику со стрелой в груди. Оказалось, ребенок повздорил с братом, а тот нашел столь варварское применение подарку,

полученному на день рождения. Когда Эбби появилась в операционной, Марк уже был в полном хирургическом облачении. Ее стаж интерна исчислялся всего одной неделей. Эбби нервничала и трусила. Еще бы! Ассистировать знаменитому доктору Ходеллу. Робея, она подошла к столу. Осторожно посмотрела на светило торакальной хирургии. У доктора Ходелла был широкий лоб мыслителя. Из-под маски на Эбби смотрели прекрасные синие глаза. Такие искренние и пронизательные.

Они оперировали вместе. Мальчишку удалось спасти.

Через месяц Марк пригласил Эбби на свидание. Она отказалась, причем дважды, и вовсе не потому, что не хотела с ним идти. Просто Эбби считала, что ей не следует с ним встречаться.

Прошел месяц. Марк снова пригласил ее на свидание. Искушение пересилило, и Эбби согласилась.

А через пять с половиной месяцев Эбби переехала к Марку. Он обитал в Кембридже. Поначалу было непросто жить под одной крышей с сорокаоднолетним холостяком, который никогда не делил с женщиной ни свою жизнь, ни свой дом. Но сейчас, в объятиях Марка, Эбби не представляла себя с другим мужчиной. Вряд ли она смогла бы кого-то полюбить так, как Марка.

— Моя бедная малышка, — проворковал Марк, дыханием согревая ее волосы. — Медицинские будни

жестоки.

— Не гожусь я для всего этого. Ловлю себя на мысли: что, черт побери, я здесь делаю?

— То, о чем всегда мечтала. Так ты мне говорила.

— Я уже не помню, о чем я мечтала. Я все больше теряю ее из виду, свою мечту.

— Полагаю, это как-то связано с желанием спасти жизни? — Да. И поэтому я пожелала, чтобы пьянчугу, виновника аварии, размазало по шоссе. Вот до чего дошла.

Эбби тряхнула головой. Она была очень недовольна собой.

— Эбби, ты сейчас проходишь через самое плохое, что есть у нас в клинике. Хуже травматологии в Бейсайде нет ничего. Тебе осталось всего пару дней отдежурить. Точнее, продержаться.

— Вот уж облегчение! Потом я попаду в торакальную хирургию.

— По сравнению с этим отделением дежурства там тебе покажутся куском торта. «Травму» у нас всегда называли отделением-убийцей. Ничего не поделаешь, через нее проходят все ординаторы.

Эбби еще крепче прижалась к Марку:

— А если бы я вообще ушла из хирургии и стала, например, психиатром, ты бы потерял ко мне всякое уважение?

— Непременно. Можешь даже не сомневаться.

— Ну и мерзавец же вы, доктор Ходелл.

Смеясь, Марк поцеловал ее в макушку.

— Многие придерживаются такого же мнения, но

тебе одной разрешается высказывать его вслух.

Лифт спустил их в больничный вестибюль. Открылись и закрылись входные двери. На дворе стояла осень, однако Бостон вот уже шестой день наслаждался теплом бабьего лета, наступившего в конце сентября. Путь через стоянку, туда, где находилась машина Эбби, отнял у нее последние крохи сил. Она уже не шла, а еле волочила ноги.

«Вот что медицина делает с нами, — подумалось ей. — Мы проходим сквозь полосу огня, чтобы стать хирургами».

Долгие дни, когда едва замечаешь время, умственные и эмоциональные перегрузки, упрямое движение вперед. Спасение чужих жизней, за которое приходится расплачиваться кусками и обрывками собственной. Она знала: только так можно отсеять людей случайных и оставить тех, кто уже никогда не уйдет из хирургии. Процесс жестокий, но необходимый. Марк преодолел этот путь. И она справится.

У машины Марк еще раз обнял ее и поцеловал.

— Сил хватит доехать домой? — спросил он.

— Включу автопилот и поеду.

— Я буду где-то через час. Привезти тебе пиццу?

Зевая, Эбби плюхнулась на водительское сиденье.

— Бери себе, а мне не надо.

— Ты что, и ужинать не хочешь?

Эбби включила двигатель.

— Сегодня у меня одно желание, — вздохнула она.

— Добраться до кровати и заснуть.

¹ Сеть магазинов шаговой доступности. Особенно популярна на автострадах. — *Здесь и далее прим. перев.*

3

Это ощущение пришло к ней ночью, похожее на тишайший шепот или нежнейшее прикосновение крыльшек феи к лицу: «Я умираю». Оно не испугало Нину Восс. Вот уже несколько недель, как возле нее, сменяясь, постоянно дежурили трое нанятых медсестер, а доктор Морисси стал приходить ежедневно. И дозы вводимого ей фуросемида тоже постоянно увеличивались. Но все это время Нина сохраняла спокойствие. Разве есть причины для волнений? Ее жизнь протекала в богатстве и обилии впечатлений. Она жила в любви и радости, не переставая удивляться чудесам мира. За свои сорок шесть лет она видела восход солнца над храмами Карнака, спускалась в сумрачные развалины Дельфов, бродила по холмам Непала. Она наслаждалась покоем разума, который наступает, когда человек признаёт свое место в Божьей вселенной. Если же говорить об огорчениях, у Нины их было всего два. Она так и не познала радости материнства. Это было ее первой печалью.

А еще ее огорчало, что Виктор останется один.

Муж часто нес вахту у ее постели. Долгими часами, слушая натужное дыхание и кашель, он держал ее руку. Он помогал менять ей кислородные подушки и присутствовал при визитах доктора Морисси. Даже во сне она чувствовала, что Виктор

рядом. Бывало, на рассвете, сквозь пелену снов, она слышала его слова: «Она еще так молода. Очень молода. Неужели больше ничего нельзя сделать? Совсем ничего?»

Что-нибудь! Что угодно! В этом был весь Виктор. Он не желал верить в неминуемое.

Но Нина верила.

Открыв глаза, она увидела, что ночь наконец-то прошла и теперь в окно спальни светит солнце. Из окон их дома открывался захватывающий вид на ее любимый пролив Род-Айленд-Саунд. Прежде, когда она еще была здорова и никакая кардиомиопатия не иссушала ее силы, она любила вставать рано утром. Нина выходила на балкон спальни и встречала восход солнца. Не каждое утро выдавалось ясным. Но даже в пасмурную погоду, когда над проливом повисала густая пелена тумана, сквозь которую было едва видно серебристое дрожание воды, она все равно стояла на балконе и наслаждалась тем, как земля принимает новый день. Вот и сегодня земля приняла новый день.

«Сколько рассветов было мне даровано. Спасибо, Господи, за каждый».

— Доброе утро, дорогая, — прошептал Виктор.

Он стоял возле ее постели и улыбался. Одним лицом Виктора Восс казалось воплощением властности, другим — гениальности, третьим — безжалостности. Но в это утро на его лице не было ничего, кроме безмерной любви и такой же безмерной усталости.

Нина протянула мужу руку, которую он нежно

поднес к губам.

— Виктор, тебе обязательно нужно поспать.

— Я не устал.

— Но я же вижу, что устал.

— Говорю тебе, я бодр.

Он снова поцеловал руку жены, прикоснувшись теплыми губами к ее холодной коже. Некоторое время супруги молча смотрели друг на друга. В трубках, подведенных к ноздрям Нины, негромко шипел кислород. Из раскрытого окна слышался шум океанских волн, ударяющих о камни.

Нина закрыла глаза:

— А помнишь то время...

Ей пришлось сделать паузу. Даже короткий разговор сбивал ритм ее дыхания.

— Какое время? — осторожно спросил Виктор.

— День, когда я... сломала ногу.

Она улыбнулась.

Это было в швейцарском Гштааде, в первую неделю их знакомства. Виктор рассказывал, что заметил Нину, когда она неслась на горных лыжах по спуску высшей категории сложности (два черных ромба). Виктор тогда помчался следом, догнал ее у подножия. Потом подъемник вернул их на вершину, и они снова понеслись вниз. Это было двадцать пять лет назад.

С тех пор они не разлучались ни на один день.

— Я знала, — прошептала Нина. — В той больнице... когда ты сидел у моей кровати... я уже тогда знала.

— Что ты знала, дорогая?

— То, что ты — мой единственный.

Нина открыла глаза и снова улыбнулась мужу. Только сейчас она заметила слезинку, ползущую по его щеке. Но ведь Виктор не плакал! За четверть века совместной жизни она ни разу не видела его плачущим. Нина привыкла считать мужа сильным и смелым человеком. Однако сейчас, вглядываясь в его лицо, она понимала, как же она ошибалась.

— Виктор, — сказала она, беря его руку в свои. — Ты не должен бояться.

Он быстрым, почти сердитым жестом провел другой рукой по лицу.

— Я тебя вытащу. Я не хочу тебя терять.

— Ты меня не потеряешь.

— Нет! Этого мне мало. Я хочу, чтобы ты жила на земле. Со мной. Понимаешь? Со мной!

— Виктор, если я что-то и знаю... то немного, что мне известно... — Ей опять не хватило воздуха, и она глубоко вдохнула. — Это время... наше время на земле... оно лишь ничтожная часть... нашей жизни.

Нина почувствовала: муж порывается действовать. Ей было хорошо знакомо его состояние нетерпеливой решимости. Такие разговоры не для него. Виктор встал, подошел к окну. Он стоял к ней спиной, глядя на пролив. Рука Нины, более не согреваемая теплом его руки, быстро холодела, возвращаясь в свое обычное состояние.

— Нина, я обязательно что-нибудь придумаю, — сказал он.

— В этой жизни... есть вещи... которые мы не в силах изменить.

— Я уже предпринял ряд мер.

— Но, Виктор...

Он повернулся и посмотрел на нее. Его плечи загораживали окно и, казалось, гасили утренний свет.

— Дорогая, я позабочусь обо всем. Тебе не о чем волноваться.

Это был один из тех прекрасных теплых вечеров, когда солнце неторопливо спускалось за горизонт, в бокалах позвякивали кубики льда, а вокруг прогуливались нарядно одетые женщины, распространяя ароматы изысканных духов. Местом такого чуда был огороженный сад доктора Билла Арчера. Эбби казалось, что даже здешний воздух напоен магией. Ее окружали решетки и арки, увитые розами и ломоносом. Вся лужайку составляли живописные цветочные клумбы. Сад был предметом радости и гордости Мэрили Арчер, чье звучное контраalto разносило в воздухе ботанические названия цветов. Она устроила экскурсию для жен врачей,водя их от клумбы к клумбе.

Сам Арчер в это время, расположившись в патио, неторопливо потягивал коктейль.

— Мэрили знает эту чертову латынь лучше меня, — смеясь, сказал он Марку.

— У нас в колледже латынь была целых три года, — кивнул Марк. — Кое-что еще помню.

Они стояли возле кирпичного очага, где

готовилось барбекю: Билл Арчер, Марк, Генерал и двое хирургов-ординаторов. В этом тесном кругу Эбби была единственной женщиной. Она так и не смогла привыкнуть к исключительно мужскому обществу. Иногда она ненадолго забывала об этом, но всегда возвращалась в действительность, испытывая неизменное чувство дискомфорта от мужского окружения.

По правде говоря, сегодняшняя домашняя вечеринка у Арчера не была сугубо мужской. Но женщины — жены врачей — двигались в параллельной вселенной, редко пересекаясь с мужьями. До Эбби иногда долетали всплески женского хихиканья и обрывки разговоров. Дамасские розы, поездки в Париж, рецепты любимых блюд. Казалось, ее одновременно тянут в обе стороны. Она будто служила границей между двумя вселенными, испытывая притяжение каждой из них, но ощущая себя одинаково чужой и среди женщин, и среди мужчин.

В этот мужской круг Эбби попала благодаря Марку. Они с Биллом Арчером были давними коллегами и почти друзьями. Арчер, сам торакальный хирург и руководитель хирургической команды, проводящей пересадки сердца, семь лет назад пригласил Марка на работу в клинику Бейсайд. Не удивительно, что мужчины успели притереться и отлично ладили друг с другом. Оба были крепкого, атлетического сложения. У обоих был сильно развит дух соперничества. Если за операционным столом они

работали дружно и слаженно, то на заснеженных склонах Вермонта или в водах Массачусетского залива неизменно сходились в азартных соревнованиях. У обоих в гавани Марблхед стояли парусные яхты класса J-35. В этом году счет гонок был 6:5 в пользу «Красноглазки» Арчера. В ближайшие выходные Марк рассчитывал взять реванш на «Моем пристанище» и даже завербовал помощника — ординатора второго года Роба Лессинга.

«Какое мне дело до всех этих мужских разговоров о яхтах?» — думала Эбби.

Она с трудом понимала их речь, подогреваемую тестостероном и густо усыпанную морскими и техническими терминами. Центральное место в этом кругу занимали седеющие мужчины. Арчер с его посеребренной гривой. Колин Уэттиг, успевший заметно поблекнуть. И Марк, у которого в сорок один год уже появилась седина на висках.

Внимание Эбби невольно отключилось от разговора об уходе за корпусом яхты, о конструкции килей и грабительских ценах на спинакеры. Она заметила двоих запоздавших гостей: доктора Аарона Леви и его жену Элейн. Аарон — хирург-кардиолог, также входивший в команду трансплантологов, — был болезненно застенчивым человеком. Взяв бокал с коктейлем, он ушел в дальний конец лужайки, где и стоял, молчаливый и понурый. Элейн оглядывалась по сторонам в поисках собеседников.

У Эбби появился шанс выскользнуть из мужского

круга и отдохнуть от разговора о яхтах. Покинув Марка, она подошла к чете Леви.

— Добрый вечер, миссис Леви. Рада снова видеть вас.

Элейн приветливо улыбнулась.

— Добрый вечер. Вас, кажется, зовут... Эбби?

— Да. Эбби Ди Маттео. Кажется, мы встречались на ординаторском пикнике.

— Совершенно верно. Там была тьма народу. У меня плохая память на имена. Но вас я запомнила.

— Это несложно, — засмеялась Эбби. — В ординатуре всего три женщины. Так что мы постоянно мозолим глаза.

— Согласитесь, это все же лучше, чем в прежние времена, когда женщин в ординатуре вообще не было. Насколько я знаю, ординаторы сменяют отделения. Где вы сейчас?

— Завтра перехожу в торакальную хирургию.

— В таком случае вы будете работать вместе с Аароном.

— Если повезет, и я встану к операционному столу. Так хочется поучаствовать в пересадке.

— Вам просто придется этим заниматься. У трансплантационной команды сейчас очень напряженный график. К ним даже направляют больных из Массачусетской клинической больницы! Аарон всегда смеется до колик в животе. — Элейн наклонилась к Эбби и, понизив голос, пояснила: — Дело давнее, но в свое время они не захотели взять Аарона на работу. А теперь вот посылают к нему

пациентов.

— Массачусетская клиническая превосходит клинику Бейсайд только в одном. Они гордятся своей связью с Гарвардом и окружают ее густым мистическим туманом, — сказала Эбби. — Вам ведь знакома Вивьен Чао, наш старший ординатор?

— Разумеется.

— Гарвард она окончила с отличием. Но когда пришло время выбирать место интернатуры, первым номером в ее списке значился Бейсайд.

— Аарон, ты слышал? — спросила у мужа Элейн.

— О чем? — отозвался тот, с явной неохотой поднимая глаза от бокала.

— Вивьен Чао выбрала не МКБ, а Бейсайд. Аарон, ты занимаешь в клинике высокое и прочное положение. И чего тебе вдруг захотелось уехать из Бостона?

— Уехать?

Эбби посмотрела на Аарона. Тот неодобрительно и даже сердито глядел на жену. Больше всего ее удивило внезапно опустившееся молчание. На другом конце лужайки слышался смех. Ветер доносил обрывки разговоров. Здесь же царила напряженная тишина.

Аарон кашлянул.

— Это не более чем мысль, — сказал он. — Ты же знаешь. Люди устают от суматохи больших городов. Мечтают переехать в какой-нибудь тихий городишко. Мечтать мечтают, но с места не трогаются.

— Я не мечтаю, — сказала Элейн.

— Я выросла в таком городишке, — улыбнулась Эбби. — Белфаст, штат Мэн. Еле дождалась, когда вырасту и уеду оттуда.

— Так всегда и бывает, — подхватила Элейн. — Молодежь в этих дырах только и ждет, как бы поскорее вырваться в цивилизацию.

— Я бы не сказала, что жизнь в Белфасте была настолько невыносимой.

— Однако вы ведь не собираетесь туда возвращаться?

Эбби помялась.

— Мои родители умерли. Обе сестры уехали в другие края. Меня там ничто не манит. Зато очень многое манит в Бостоне.

— Это всего лишь моя фантазия, — сказал Аарон, припадая к бокалу. — Я всерьез не думаю ни о каком переезде.

И снова — странное молчание. Эбби окликнули. Обернувшись, она увидела Марка. Он махал рукой.

— Прошу прощения, — улыбнулась она супругам Леви и поспешила к патио.

— Арчер устраивает экскурсию по своему внутреннему святилищу, — сообщил Марк.

— Что еще за внутреннее святилище?

— Идем. Сама увидишь.

Взяв Эбби за руку, Марк повел ее через террасу в дом. Они поднялись на второй этаж. На втором этаже Эбби была всего один раз, когда смотрела картины из собрания Арчера.

Сегодня ее впервые пригласили в комнату в конце

коридора.

Арчер уже был там. В кожаных креслах расположились еще двое приглашенных врачей — Фрэнк Цвик и Радж Мохандас. Эбби едва заметила их присутствие. С первых секунд ее внимание целиком поглотила необычная комната.

Она попала в музей старинных медицинских инструментов. За стеклами витрин была собрана удивительная и пугающая коллекция. Скальпели и ванночки для кровопускания. Банки, в каких держали пиявок. Акушерские щипцы, губы которых могли раздавить младенцу череп. Над камином висело живописное полотно, изображавшее сражение между врачом и смертью за жизнь молодой женщины. Из стереоколонок лилась музыка: один из Бранденбургских концертов Баха.

Арчер уменьшил громкость до едва слышного. В комнате установилась почти музейная тишина.

— А где Аарон? — спросил Арчер.

— Он в курсе. Сейчас поднимется, — сказал Марк.

— Подождем... Что скажете о моей скромной коллекции? — улыбнулся Арчер, поворачиваясь к Эбби.

Его вопрос заставил Эбби оторваться от витрин.

— Я в полном восхищении. Отдельные экспонаты просто ставят меня в тупик. Я совсем не понимаю их назначения.

Арчер указал на странное устройство с рычагами и колесиками. Некоторые колесики соединялись приводными ремнями.

— Смотрите, какая любопытная вещица. Это генератор слабых электрических токов. Его пластины прикладывались к разным частям человеческого тела. Считалось, что с его помощью можно лечить множество болезней: от женских до диабета. Не правда ли, забавно? В какую только чепуху не заставляет нас верить медицина!

Эбби остановилась перед картиной. Смерть, естественно, была в черном балахоне. Но героем, конечно же, являлся врач. Победитель. Бесстрашный рыцарь. И спасал он по традиции женщину. Прекрасную женщину.

Дверь открылась.

— Ну вот и он, — объявил Марк. — Аарон, мы уже думали, не забыл ли ты.

Аарон молча вошел в комнату, молча сел, кивком поблагодарив за подвинутый стул.

— Эбби, ваш бокал пуст. Вы позволите его наполнить? — спросил Арчер.

— Мне достаточно.

— Глоток бренди. А? Ведь машину поведет Марк?

— Хорошо, — улыбнулась Эбби и поблагодарила хозяина. Арчер торопливо плеснул бренди и вернул ей бокал. В комнате снова установилась эта странная тишина. Казалось, все ждали, когда кончатся формальности. Эбби удивляло и слегка настораживало, что других ординаторов сюда не позвали. Такие вечеринки Билл Арчер устраивал раз в несколько месяцев, приглашая к себе младший медицинский персонал клиники. Можно было

подумать, будто он праздновал смену полосы дежурств в отделениях торакальной хирургии и травматологии. Сейчас по саду бродили еще шестеро ординаторов. Но здесь, в святилище Арчера, были только члены команды трансплантологов.

И Эбби.

Она сидела на диване рядом с Марком, потягивая бренди. От напитка по ее горлу расходился приятный жар. Но Эбби наслаждалась другим теплом — теплом проявленного к ней внимания. Будучи интерном, она смотрела на этих пятерых мужчин как на богов. Она считала большой честью ассистировать Арчеру или Мохандасу. Близкие отношения с Марком открыли ей доступ в этот узкий круг, однако Эбби и сейчас не забывала, кто они и какую власть имеют над ее карьерой.

Арчер сел напротив.

— Эбби, я не впервые слышу лестные отзывы о вас. От Генерала. Сегодня, прежде чем уехать, он наговорил комплиментов в ваш адрес.

— Доктор Уэттиг? — переспросила Эбби, не в силах сдержать смешок удивления. — Честно говоря, я никогда толком не знала, как он относится к моей работе.

— Это очень в духе Генерала. Он любит держать мир в некотором напряжении.

Собравшиеся засмеялись. Эбби тоже.

— Я очень уважаю мнение Колина, — сказал Арчер. — И знаю: он считает вас одним из лучших ординаторов второго года. Я ведь тоже работал с вами

и могу подтвердить его слова.

Эбби смущенно ерзала на диване. Марк крепко сжал ей руку. Этот жест не ускользнул от Арчера, вызвав его улыбку.

— Мы все знаем об особом отношении Марка к вам. Отчасти по этой причине мы пригласили вас на разговор. Он может показаться несколько преждевременным, но мы, Эбби, сторонники долгосрочного планирования. Никогда не мешает заблаговременно провести разведку территории.

— Простите, я не понимаю, о чем вы, — призналась Эбби.

Арчер потянулся к графину с бренди и налил себе совсем чуть-чуть.

— Нашу трансплантационную команду всегда интересовало только самое лучшее. Это касается квалификации врачей и их умения работать. Поэтому мы внимательно присматриваемся к интернам и ординаторам. Кто-то назовет наши интересы корыстными. Так оно и есть. Мы выращиваем специалистов для своей команды.

Он помолчал.

— А вас мы пригласили, чтобы узнать, интересуют ли вас операции по пересадке органов. Прежде всего речь идет о пересадке сердца.

Эбби недоуменно посмотрела на Марка. Тот кивнул.

— Мы не настаиваем на быстром решении, — сказал Арчер. — Но хотим, чтобы вы всесторонне обдумали наши слова. Впереди у нас несколько лет,

чтобы лучше познакомиться. Правда, к тому времени ваши интересы могут измениться. Возможно, вам не захочется дальше работать в клинике Бейсайд. Либо вы поймете, что трансплантационная хирургия — не ваше призвание.

— Нет, это мое призвание.

Эбби подалась вперед. Ее лицо пылало от воодушевления. — Просто... просто я очень удивлена. И польщена. Ведь в клинике так много хороших ординаторов. Например, Вивьен Чао.

— Да. Вивьен — прекрасный хирург.

— Мне думается, на следующий год она войдет в число штатных хирургов Бейсайда.

— Согласен, хирургические способности доктора Чао — выше всяких похвал, — включился в разговор Мохандас. — Я мог бы назвать еще нескольких перспективных ординаторов. Есть изречение, очень популярное среди хирургов. Возможно, вы его слышали: «Обезьяну тоже можно научить оперировать. Вся штука в том, чтобы она еще понимала, когда оперировать».

— Постараюсь пояснить слова Раджа, — улыбнулся Арчер. — Профессиональные качества — очень важное условие. Но это еще не все. Мы ищем хирургов, способных работать в команде. В вас мы видим человека, хорошо умеющего работать в команде. Человека, чьи личные цели не противоречат целям команды. Эбби, мы настаиваем на умении работать в команде. Стоя у операционного стола и обливаясь потом, мы не застрахованы от любых

случайностей. Вдруг ломается оборудование. Скальпели выскальзывают из рук. Или сердце, которое мы так ждали, теряется в пути. Но мы — команда и должны держаться, что бы ни случилось. И мы держимся.

— Помимо этого, мы помогаем друг другу, — добавил Фрэнк Цвик. — И в операционной, и за ее стенами.

— Золотые слова, — поддержал его Арчер и добавил, взглянув на Аарона: — Ты согласен?

Как и в саду, Аарон лишь прокашлялся и ничего не сказал. — Да, мы помогаем друг другу и за стенами операционной. За стенами клиники. И это — одно из преимуществ принадлежности к нашей команде.

— Одно из многих преимуществ, — поправил его Мохандас.

Собравшиеся замолчали. Из колонок по-прежнему раздавались совсем тихие звуки Бранденбургского концерта.

— Я люблю эту часть, — сказал Арчер, прибавляя громкость.

Комната наполнилась пением скрипок. Эбби обнаружила, что снова рассматривает картину над камином. Смерть, сражающаяся с врачом. Битва за жизнь пациентки. За ее душу.

— Вы сказали... есть и другие преимущества, — напомнила мужчинам Эбби.

— Вот вам мой пример, — начал Мохандас. — После завершения ординатуры у меня оставались неоплаченными несколько студенческих займов. Но

при устройстве на работу в Бейсайд это было учтено. Мне помогли полностью расплатиться с долгами.

— Я как раз хотел подробнее остановиться на этом, чтобы вы отчетливее представляли себе привлекательность работы в команде, — сказал Арчер. — В наши дни хирург оканчивает ординатуру лишь к тридцати годам. Многие к тому времени уже женятся, выходят замуж и обзаводятся ребенком, а то и двумя. Они приобретают профессиональный опыт и... долговое бремя. Займы, которые они брали, нужно возвращать, а это в среднем сто тысяч долларов. А у хирургов еще нет собственного дома! И вот они десять лет работают, чтобы расплатиться с долгами. Им уже сорок. Но за эти годы у них успели подрасти дети, и теперь пора думать о колледже для потомства!

Арчер покачал головой:

— Даже не знаю, почему сегодня еще находятся те, кто идет в медицину. В нашей профессии больших денег явно не заработать.

— Да, — согласилась Эбби. — В медицине есть трудности.

— Вы наверняка имеете в виду финансовые трудности. И здесь Бейсайд способен помочь. Марк рассказывал нам, что вам со времен учебы в колледже хорошо знакомы долги и займы.

— Не только это. Я получала стипендию. Но займы тоже приходилось брать.

— И тут хочется крикнуть: «Ой! Больно!» — усмехнулся Арчер.

Эбби грустно кивнула:

— Я уже начинаю чувствовать боль.

— Займы на учебу в колледже? Это тоже было?

— Да. У моей семьи были финансовые проблемы,
— призналась Эбби.

— Вы говорите так, словно стыдитесь этого.

— Те проблемы в большей степени были вызваны... полосой невезения. У меня заболел младший брат. Несколько месяцев он провел в больнице, а у нас не было медицинской страховки. Но в том городе, где я выросла, очень многие жители не имели страховок.

— Что лишь подтверждает мои слова. Догадываюсь, сколько усилий вы приложили, сражаясь с финансовыми проблемами. Мы все знаем об этом не понаслышке. Радж из семьи иммигрантов. Он до десяти лет вообще не говорил по-английски. Я — первый в нашей семье, кто получил высшее образование. Среди нас нет «бостонских браминов»². Никто не может похвастаться богатым папочкой или фондом на наше имя. Мы знаем, каково пробивать себе дорогу в жизни. И в команде нам нужны люди нашей закваски.

Бранденбургский концерт закончился. Стихли последние звуки скрипок и труб. Арчер выключил музыкальный центр и снова повернулся к Эбби.

— Вы сегодня получили богатую пищу для размышлений. Разумеется, мы пока не делаем вам никаких твердых предложений. Это больше похоже на... — Арчер улыбнулся Марку. — На первое свидание.

— Я понимаю, — сказала Эбби.

— И еще один момент, который вам следует иметь в виду. Вы единственный ординатор, с которым мы говорили на эту тему. Единственная кандидатура, которую мы рассматриваем всерьез. Так что настоятельно рекомендую проявить мудрость и не рассказывать об этом вашим коллегам. Вспыхнет зависть, чего мы совсем не хотим.

— Разумеется, я сохраню этот разговор в тайне.

— Вот и отлично. — Арчер обвел глазами собравшихся. — Думаю, все согласятся с такой постановкой вопроса? Верно, джентльмены?

Мужчины дружно закивали.

— Консенсус достигнут, — объявил Арчер. Он улыбнулся и снова протянул руку к графину с бренди. — Это я и называю настоящей командой.

— И что ты об этом думаешь? — спросил Марк по пути домой.

Эбби запрокинула голову и с каким-то неистовством крикнула:

— Я не чувствую под собой ног! Боже, какой был вечер!

— Значит, ты счастлива?

— Ты что, шутишь? Я напугана.

— Напугана? Чем?

— Тем, что обязательно наделаю ляпов и испорчу впечатление о себе.

Марк засмеялся и похлопал ее по коленке:

— Слушай, мы же успели поработать со всеми

ординаторами и потому знаем, что зовем к себе самого лучшего.

— И в какой мере выбор был обусловлен вашим влиянием, доктор Ходелл?

— В ничтожной. Остальные полностью сошлись во мнении насчет тебя.

— Правда?

— Правда, Эбби. Можешь мне верить: в нашем списке ты идешь первым номером. И мне думается, ты считаешь все это потрясающей удачей.

Улыбающаяся Эбби откинулась в пассажирском кресле. Воображение подбрасывало ей картины будущего. До этого вечера она смутно представляла, где станет работать через три с половиной года. Вероятнее всего, в одной из клиник страховой медицины. Частная практика клонилась к закату, и Эбби не видела для себя никаких перспектив в этой сфере. По крайней мере, в пределах Бостона. А ей очень хотелось остаться здесь.

В Бостоне. Рядом с Марком.

— Я ужасно хочу войти в команду, — сказала она. — Надеюсь, не разочарую никого из вас.

— Не разочаруешь. Команда знает, какие люди ей нужны. В этом наши мнения целиком совпадают.

— И даже мнение Аарона Леви? — помолчав, спросила Эбби.

— А с чего Аарону занимать другую позицию?

— Не знаю. Я сегодня немного поговорила с его женой. У меня возникло ощущение, что Аарон не очень-то счастлив. Ты знал, что он подумывает уехать

из Бостона?

— Что?

Марк был искренне удивлен.

— Говорил, что хотел бы перебраться в какой-нибудь городишко.

— Как бы не так, — засмеялся Марк. — Элейн — типичная бостонская девчонка.

— Она и не думает о переезде. Это мысли Аарона.

Некоторое время Марк молча крутил руль, обдумывая услышанное.

— Должно быть, ты его неправильно поняла, — наконец произнес он.

— Возможно, — пожала плечами Эбби.

— Пожалуйста, свет, — сказала Эбби.

Хирургическая медсестра настроила бестеновой светильник, направив луч на грудь пациентки. Место операции было отмечено черным маркером: два крестика, поставленных чуть выше пятого ребра и соединенных линией. Грудная клетка, как и сама пациентка, была невелика. Мэри Аллен, 84 года, вдова. В клинику поступила неделю назад с жалобами на снижение веса и сильные головные боли. Обычный в таких случаях рентген грудной клетки дал тревожные результаты: множественные узелки в обоих легких. В течение шести дней пациентке делали всевозможные анализы, сканировали и снова возили на рентген. Она прошла бронхоскопию. Ей кололи иглами грудную стенку. Тем не менее полной ясности с ее диагнозом по-прежнему не было.

Сегодня они получают ответ.

Доктор Уэттиг взял скальпель. Лезвие замерло над отмеченным местом. Эбби ждала, когда же он сделает надрез. Генерал почему-то медлил. Вместо этого он взглянул на Эбби. Из-за маски взгляд его синих глаз казался еще более жестким, металлическим.

— Скажите, Ди Маттео, сколько раз вы ассистировали при открытой биопсии легких? — спросил он.

— Пять.

— Вы знакомы с историей болезни этой пациентки? Видели рентгеновские снимки?

— Да, сэр.

— В таком случае действуйте, доктор, — сказал Уэттиг, передавая ей скальпель.

Эбби с удивлением смотрела на скальпель, поблескивающий в его руке. Генерал редко уступал кому-либо свою операцию. Даже более опытным ординаторам.

Эбби взяла скальпель, ощутила вес полоски нержавеющей стали. Скальпель удобно лежал в ее руке. Эбби уверенным движением натянула кожу в месте надреза и провела скальпелем по верхней кромке ребра. Пациентка была совсем худенькой. Слой подкожного жира почти отсутствовал. Второй разрез, чуть глубже первого, раздвинул межреберные мышцы. Эбби достигла плевральной полости.

Введя палец в разрез, она ощупала поверхность легкого. Поверхность была мягкой, губчатой.

— Все в порядке? — спросила Эбби у

анестезиолога.

— В полном.

— Фиксирую место разреза.

Чтобы расширить область разреза, пациентке раздвинули ребра. Вентилятор гнал воздух. Под его напором еще один маленький кусочек легочной ткани надулся и лопнул, словно воздушный шарик. Не обращая внимания на вздутие, Эбби поставила зажим.

— По-прежнему все нормально? — снова обратилась она к анестезиологу.

— Без проблем.

Эбби сосредоточилась на выступающем островке легочной ткани. Ей хватило беглого взгляда, чтобы определить местонахождение узелка.

— Достаточно твердый, — поморщилась Эбби. — Плохо дело.

— Ничего удивительного, — сказал Уэттиг. — Судя по рентгенограмме, дело пахнет интенсивной химиотерапией. Мы сейчас лишь подтверждаем тип клеток.

— Головные боли — следствие метастазов в мозгу?

Уэттиг кивнул:

— Прогрессирующая форма рака. Восемь месяцев назад ее рентгенограмма была в норме. Теперь эта пациентка — настоящая раковая ферма.

— Ей восемьдесят четыре, — сказала одна из медсестер. — Как-никак прожила долгую жизнь.

«Вот только какую жизнь?» — мысленно спросила Эбби, проводя иссечение и удаляя кусочек легкого

вместе с узелком. С Мэри Аллен она познакомилась только вчера. В палате старуха сидела очень тихо, почти не шевелясь. Жалюзи были опущены, отчего в комнате царил полумрак. Оказалось, свет вызывает у Мэри головные боли. «У меня от солнца глаза болят. Боли я не чувствую только во сне. А у меня много разных болей».

Потом она попросила у Эбби какое-нибудь снотворное посильнее.

Закончив иссечение, Эбби зашила рану. Уэттиг не комментировал ее действия. Он только следил за работой, сохраняя свой обычный холодный взгляд. Но даже молчание Генерала могло считаться достойным комплиментом. Она давно усвоила: если Генерал не критикует, это уже победа.

Наконец Эбби зашила грудную клетку пациентки и убрала дренажную трубку. Она сняла окровавленные перчатки и бросила в «грязный» бак.

— Теперь самое сложное — сообщить неприятные новости, — сказала Эбби, глядя, как медсестры вывозят каталку Мэри из операционной.

— Она знает, — сказал Уэттиг. — Они всегда знают.

Под скрип колес каталки Эбби и Генерал направились в постоперационную палату. Там, отделенные занавесками, лежали четверо прооперированных пациентов. Кто-то из них уже пришел в сознание, кто-то еще только выбирался из анестезиологической дремы. Койка Мэри Аллен была самой последней, в дальнем конце помещения.

Пациентка потихоньку приходила в себя. Шевельнула ногой. Потом застонала. Попыталась высвободить руку из ограничительного зажима.

Достав стетоскоп, Эбби быстро прослушала легкие Мэри.

— Введите ей пять миллиграммов морфина. Внутривенно. Медсестра выполнила распоряжение Эбби. Такой дозы сульфата морфина будет достаточно, чтобы унять боль и облегчить Мэри возвращение в сознание. Стоны прекратились. Кардиомонитор отмечал ровные, ритмичные удары ее сердца. — Доктор Уэттиг, какие будут распоряжения? — спросила медсестра.

Эбби посмотрела на Генерала.

— Распоряжения получите у доктора Ди Маттео, — сказал он и вышел из палаты.

Медсестры переглянулись. Обычно Уэттиг сам писал распоряжения, касавшиеся прооперированных больных. Новое проявление его доверия к профессионализму Эбби.

Взяв карточку Мэри, она присела к столу и начала писать: «Перевод в палату № 5, восточное крыло. Передача под наблюдение службе торакальной хирургии. Диагноз: проведена открытая легочная биопсия с целью определения характера многочисленных легочных узелков. Состояние: стабильное». Затем Эбби последовательно выписала все рекомендации, касающиеся диеты, лекарств и процедур. Оставалось заполнить графу с кодом состояния³. Почти автоматически она написала:

«Полный код».

Подняв голову от записей, Эбби еще раз взглянула на Мэри Аллен. Та пока еще лежала на каталке. Эбби попыталась ощутить себя восьмидесятичетырехлетней старухой, все тело которой пронизано раковыми клетками. Мало того что дни Мэри сочтены. Каждый из них несет ей неутрахающую боль. Что бы предпочла эта старуха? Быструю и более гуманную смерть или продолжение своих мучений? Этому Эбби не знала. — Доктор Ди Маттео! — послышалось из динамика интеркома.

— Я слушаю.

— Примерно десять минут назад поступил вызов из четвертой палаты, восточное крыло. Вас просили туда подойти.

— В нейрохирургию? Они сказали зачем?

— Что-то связанное с пациенткой по фамилии Террио. Они вас просят поговорить с ее мужем.

— Карен Террио больше не моя пациентка.

— Доктор, я лишь передаю вам их просьбу.

— Спасибо. Сейчас буду.

Вздохнув, Эбби поднялась со стула и подошла к каталке Мэри Аллен, чтобы в последний раз взглянуть на кардиомонитор и проверить общее состояние. Пульс немного ускорился. Мэри начала шевелиться. Она снова стонала. Боль вернулась. — Введите ей еще два миллиграмма морфина, — сказала медсестре Эбби.

Вспышки на экране кардиомонитора показывали,

что сердце Карен Террио бьется медленно и ровно.

— У нее такое сильное сердце, — бормотал Джо Террио. — Оно не хочет сдаваться. И сама она тоже не хочет сдаваться.

Он сидел у постели жены, держа ее руки. Его взгляд был прикован к зеленой линии, тянущейся по экрану осциллоскопа. Джо ошеломляло обилие медицинской аппаратуры: всех этих трубок, мониторов, аспирационного насоса. Ошеломляло и пугало. Все внимание мужа Карен было приковано к кардиомонитору. Возможно, Джо думал, что если он сумеет постичь секреты этого загадочного ящика, то разберется и во всем остальном. Даже поймет, как оказался у койки женщины, которую любит и сердце которой не прекращает биться.

Было три часа дня. С момента, когда пьяный водитель протаранил машину Карен Террио, прошло уже шестьдесят два часа. Возраст пациентки — тридцать четыре года. Реакция на ВИЧ отрицательная, раковых опухолей и инфекционных заболеваний не обнаружено. Здесь лежала пока еще живая женщина с мертвым мозгом. Проще говоря, Карен представляла собой живой супермаркет здоровых органов для пересадки. Сердце. Легкие. Почки. Поджелудочная железа. Печень. Кости. Роговица. Кожа. С нее одной трансплантологи могли собрать обильную жатву. Как бы страшно ни звучало это слово, вполне обиходное в жаргоне трансплантологов, но организм Карен мог бы спасти жизнь или улучшить состояние полудюжине больных.

Эбби подвинула стул и села напротив Джо. Она была единственным врачом, долго и обстоятельно говорившим с Джо Террио. Неудивительно, что сейчас медсестры позвали именно ее. Она должна убедить Джо подписать необходимые документы и позволить Карен умереть. Некоторое время Эбби сидела молча. Ее и Джо разделяло простертое тело Карен Террио, грудь которой поднималась и опускалась в установленном ритме: двадцать вдохов в минуту.

— Вы правы, Джо, — наконец сказала Эбби. — У вашей жены сильное сердце. Оно способно вот так же биться еще какое-то время. Но не годами. В конце концов тело оценит свое состояние. Тело поймет.

Джо поднял на нее глаза, воспаленные от слез и бессонницы: — Поймет? Что?

— То, что мозг его хозяйки мертв и сердцу больше незачем биться.

— Как тело может понимать такие вещи?

— Мозг нужен нам, не только чтобы думать и чувствовать. Мозг задает организму цель и смысл существования. Стоит цели исчезнуть, сердце, легкие и другие органы перестают работать.

Эбби кивнула в сторону аппарата искусственной вентиляции легких:

— Как видите, это устройство дышит за вашу жену.

— Я знаю, — прошептал Джо, растирая себе лицо. — Знаю, знаю...

Эбби молчала. Вцепившись себе в волосы, Джо раскачивался на стуле. Из его горла вырывались

звуки, чем-то похожие на рыдания. Максимум того, что может позволить себе мужчина. Когда он снова поднял голову, его волосы стояли торчком, мокрые от слез.

Он опять взглянул на монитор. Монитор был единственным устройством, не вызывавшим у Джо страха.

— Все это... так преждевременно.

— Нет, не преждевременно. Очень скоро состояние органов вашей жены начнет ухудшаться, и они уже не будут пригодны для трансплантации. Поймите, Джо: эта задержка ничего не даст.

Тело жены было барьером, поверх которого Джо смотрел на доктора Ди Маттео.

— Вы принесли бумаги? — спросил он.

— Они при мне.

Джо подписал документы, едва взглянув на бланки. Эбби и дежурная медсестра засвидетельствовали подлинность его подписей. Копии документов лягут в историю болезни Карен Террио, попадут в базу данных БОНА — Банка органов Новой Англии⁴ и базу данных координатора трансплантационных операций клиники Бейсайд. После этого наступит время жатвы.

Карен Террио похоронят, но части ее организма еще долго будут жить в других телах. И прежде всего ее сердце. Человек, которому его пересадят, и не узнает, как весело билось это сердце, когда пятилетняя Карен бегала и играла; как замирало от счастья, когда в двадцать лет она выходила замуж, а через год

переполнялось радостью материнства. Пусть это и не бессмертие, но что-то очень близкое к бессмертию.

Но вряд ли подобные мысли могли утешить Джозефа Террио, не покидавшего вахту у постели жены.

Эбби застала Вивьен Чао в раздевалке операционной, куда та пришла после экстренной четырехчасовой операции. Однако на хирургическом костюме, который Вивьен успела снять, не было ни пятнышка пота.

— Муж Карен Террио дал согласие на жатву, — сказала Эбби.

— Он подписал документы? — спросила Вивьен.

— Да.

— Прекрасно. Тогда я распоряжусь насчет перекрестной пробы.

Вивьен потянулась за чистой хирургической блузой. Сейчас на ней были только лифчик и трусики. Сквозь ее плоскую грудную клетку проступали все ребра.

«Профессиональная зрелость не обязательно сопровождается телесной», — подумала Эбби.

— Как ее основные органы? — поинтересовалась китаянка. — Поддерживаются в стабильном состоянии.

— Главное, чтобы не падало давление. Пусть почки обильно снабжаются кровью. Не каждый день судьба преподносит симпатичную пару почек, да еще и четвертой группы с положительным резусом.

Вивьен надела чистые хирургические штаны, завязывающиеся на поясе, и заправила в них блузу. Все ее движения отличались точностью. Даже элегантностью.

— Пойдешь на жатву? — спросила Эбби.

— Если сердце решат отдать моему пациенту, пойду. Жатва — самая легкая часть. Куда интереснее сама пересадка и приживание органа.

Вивьен закрыла шкафчик, щелкнув замком.

— Есть минутка? Хочу познакомить тебя с Джошем.

— Кто он?

— Мой пациент. Достался мне по линии обучения. Он сейчас в палате интенсивной терапии.

Они покинули раздевалку, вышли в коридор и направились к лифту. Свою коротконогость Вивьен компенсировала быстрыми, почти яростными шагами.

— Нельзя говорить об успехе пересадки сердца, пока не сравнишь состояние пациента до и после операции, — сказала Вивьен. — Сейчас я тебе покажу этого парня с его собственным сердцем. Быть может, для тебя кое-что прояснится.

— Что ты имеешь в виду?

— У твоей пациентки есть сердце, но умер мозг. У моего парня здоровый мозг и практически нет сердца.

Двери лифта распахнулись. Вивьен вошла в кабину.

— Когда видишь такие трагедии, некоторые вещи начинают обретать смысл.

В лифте они ехали молча.

«Конечно, в этом есть смысл, — думала Эбби. — И большой смысл. Вивьен его видит отчетливо. Но мне не прогнать из памяти ту картину... Дочери Карен, совсем еще дети... Они стояли возле постели матери, боясь до нее дотронуться».

Так же молча Вивьен вела Эбби в палату отделения интенсивной терапии.

Джошуа О'Дей спал на койке № 4.

— Целыми днями только и делает, что спит, — пояснила медсестра.

У нее были светлые волосы и миловидное лицо. На бедже значилось: «ХАННА ЛАВ, ДИПЛОМИРОВАННАЯ МЕДСЕСТРА».

— Из-за перемены лекарств? — спросила Вивьен.

— Думаю, из-за депрессии, — покачала головой Ханна и вздохнула. — Я ухаживаю за ним уже не первую неделю. С самого дня его поступления. Он такой замечательный парень. Мне он очень нравится. Простой, бесхитростный. Раньше он со мной разговаривал. А с недавних пор погрузился в эту спячку. Когда не спит, лежит и смотрит на свои трофеи.

Ханна кивнула в сторону тумбочки, на которой любовно были разложены спортивные ленты и вымпелы. Среди них находились и его собственные награды, самой ранней из которых был вымпел, полученный Джошем еще в третьем классе. Тогда, будучи бойскаутом-волчонком⁵, он участвовал в соревнованиях «Дерби соснового леса»⁶. Эбби знала об этих соревнованиях. Как и Джошуа О'Дей, ее брат

был бойскаутом-волчонком.

Эбби подошла к койке. Парнишка выглядел гораздо младше своих лет. Судя по записи в истории болезни, ему было уже семнадцать, но он вполне бы сошел за четырнадцатилетнего. Вокруг его постели, словно лианы, переплетались пластиковые трубки капельниц, а также трубки артериальных датчиков и катетеров Свана-Ганца. Последние использовались для наблюдения за давлением в правом предсердии и легочной артерии. Все данные выводились на монитор. Давление в правом предсердии было высоким. Сердце парня не справлялось со своей главной задачей — качать кровь. Кровь шла обратно в венозную систему. Это было видно и без монитора. Эбби сразу отметила раздутые вены на шее Джоша.

— Два года назад он был звездой школьной бейсбольной команды в Реддинге, — сказала Вивьен. — Я не разбираюсь в бейсболе и не могу оценить его уровень. Но отец парня очень гордится его успехами.

— Очень гордится, — подтвердила Ханна. — Недавно заявился в палату с мячом и бейсбольными перчатками. Затеяли игру. Уж не знаю, как в бейсболе называются эти приемчики, но папашу мне пришлось выставить.

Она засмеялась:

— Отец в мальчишке просто души не чает.

— И давно он болеет? — спросила Эбби.

— В школе пропустил целый год, — сказала Вивьен. — Два года назад подцепил вирус. Вирус Коксаки, тип В. За шесть месяцев у него развилась

острая сердечная недостаточность. В нашей клинике Джош уже месяц. Ждет новое сердце... Правда, Джош?

Парень открыл глаза. Казалось, он смотрит на врачей через несколько слоев марли. Джош несколько раз моргнул, затем улыбнулся Вивьен: — Привет, доктор Чао.

— Гляжу, у тебя появились новые ленты.

— Вы про эти? — Джош закатил глаза. — Даже не знаю, откуда мама их выкопала. Она у меня хранит все подряд. Даже мои молочные зубы. Собраны у нее в мешочек. По-моему, это уже слишком.

— Джош, как видишь, я пришла не одна. Познакомься: это доктор Ди Маттео, хирург-ординатор.

— Здравствуй, Джош, — улыбнулась Эбби.

Казалось, парень только сейчас заметил ее присутствие. Он молчал.

— Ты не возражаешь, если доктор Ди Маттео тебя осмотрит? — спросила Вивьен.

— Зачем?

— Когда получишь новое сердце, будешь носиться не хуже Дорожного Бегуна. Помнишь мультики о нем? Тогда мы уже не сможем разложить тебя на койке и провести врачебный осмотр.

— И любите же вы эти осмотры, — улыбнулся Джош.

Эбби подошла к койке. Джош послушно расстегнул пижаму. Грудь у него была бледной, совсем без растительности. Как у ребенка. А ведь

Джош уже был подростком. Эбби прижала руку к его сердцу. Оно билось слабо, будто птица, уставшая наткаться на прутья клетки. Эбби достала стетоскоп. Она стояла, слушая удары сердца Джоша. Во взгляде парня сквозили настороженность и недоверие. Подобные взгляды Эбби часто видела в педиатрических палатах. Так смотрят дети, которые слишком давно находятся в больнице и знают: каждая новая пара врачебных рук — это новая боль. Когда она смотрела и убрала в карман стетоскоп, Джош облегченно вздохнул.

— Это все? — спросил он.

— Да, все. — Эбби расправила ему пижаму. — Джош, а какая твоя любимая команда?

— Разве не видно?

— Конечно видно. «Ред сокс».

— Отец записал мне на видео все их игры. Мы с ним всегда вместе ходили на матчи. Отец и я. Когда вернусь домой, буду смотреть все пленки подряд. Целых три дня сплошного бейсбола...

Он глотнул воздуха, насыщенного кислородом.

— Доктор Чао, я хочу домой, — глядя в потолок, сказал Джош.

— Я знаю, — тихо отозвалась Вивьен.

— Хочу снова увидеть свою комнату. Я скучаю по своей комнате.

Джош глотал слюну, пытаясь удержать слезы, но все же шумно всхлипнул.

— Я хочу увидеть свою комнату, — повторил он. — Только и всего. Просто увидеть свою комнату.

Ханна поспешила к его койке, подхватила Джоша на руки и принялась качать, как маленького. Он отчаянно сражался с подступающими слезами, сжимал кулаки. Он уткнулся в волосы медсестры.

— Все хорошо, — приговаривала Ханна. — Малыш, ты не стесняйся. Хочется поплакать — поплачь. Я же тут, с тобой. И никуда не уйду. Пока я тебе нужна, я буду рядом. Все в порядке, Джош.

Эбби видела: лицо медсестры мокро от слез. То были не слезы Джоша, а ее собственные.

Эбби и Вивьен молча ушли из палаты.

В сестринской Вивьен подписала два экземпляра заявки на лимфоцитарную перекрестную пробу между кровью Джоша О’Дея и Карен Террио.

— Как скоро его могут оперировать? — спросила Эбби.

— Изъять сердце мы могли бы уже завтра утром. Чем раньше, тем лучше. У парня только за сегодня трижды проявилась желудочковая тахикардия. При таком нестабильном сердечном ритме у него в запасе мало времени. — Вивьен повернулась к Эбби. — Я бы очень хотела, чтобы Джош вернулся домой и смотрел матчи «Ред сокс». А ты?

Лицо китайки, как всегда, оставалось спокойным и непроницаемым. Эбби подумала, что внутри Вивьен может все обливаться слезами, но та никогда этого не покажет.

В сестринскую вошла секретарь палаты.

— Доктор Чао, я передала в реанимацию хирургического отделения ваш запрос на

перекрестную пробу. Мне сказали, что они уже выполняют этот анализ с кровью пациентки Карен Террио.

— Потрясающе. Хоть один раз мой интерн подсуетился.

— Доктор Чао, быть может, я их не так поняла, но перекрестная проба выполняется не с лимфоцитами Джоша О'Дея.

— Что? — опешила Вивьен, поворачиваясь к секретарю.

— Мне сказали, они проводят анализ для другого пациента. Точнее, пациентки. Нины Восс. Категория частных пациентов.

— Но Джош в критическом состоянии! В списке очередников он первый.

— Мне они всего лишь сказали, что сердце предназначено той частной пациентке.

Вивьен вскочила, подбежала к телефону и вдавила несколько кнопок. Эбби слышала ее разговор.

— Это доктор Чао. Я хочу знать, кто заказал лимфоцитарную перекрестную пробу по Карен Террио?

Судя по лицу Вивьен, ответ ей не понравился. Она нахмурилась и молча повесила трубку.

— Они тебе назвали имя? — спросила Эбби.

— Да.

— И кто же это?

— Марк Ходелл.

² Так называют потомков первых переселенцев, представителей высших слоев Бостона, считающих себя чем-то вроде родовой аристократии.

³ Ряд мер, которые должен принять медицинский персонал, если у пациента вдруг откажет сердце или легкие. Обычно эти меры согласовываются с родственниками пациента и заверяются их подписью.

⁴ Некоммерческое агентство по поиску и распределению органов и тканей для трансплантации.

⁵ Младшая группа бойскаутов: от 8 до 10 лет.

⁶ Гонки самодельных автомобилей, которые первоначально делались преимущественно из соснового дерева. Очень популярны среди бойскаутов-волчат.

4

На этот вечер Эбби и Марк заказали столик в «Касабланке» — ресторане, находившемся по пути к дому. Они собирались отпраздновать полгода совместной жизни. Однако настроение за столиком было далеко не праздничным.

— Я всего-навсего хочу знать, что это за шишка такая — Нина Восс? — спросила Эбби.

— А я тебе отвечаю: сам не знаю. Может, сменим тему? — предложил Марк.

— Парень в критическом состоянии. У него по два раза в день останавливается сердце. И теперь, когда судьба послала нам донорское сердце, идеально совместимое с организмом этого мальчишки, ты почему-то идешь в обход системы регистрации. Спрашивается почему? Почему нужно отдавать это сердце какой-то частной пациентке, которая до сих пор находится дома?

— Мы ничего не отдаем. Тебе понятно? Это было клиническое решение.

— У клинического решения есть имя?

— Аарон Леви. Он мне сегодня позвонил и сказал, что Нину Восс завтра доставят в клинику. Он же попросил меня провести скрининг-тест по сердцу донора.

— И это все, что он тебе сказал?

— По сути, да.

Марк откупорил бутылку и наполнил свой бокал, пролив несколько капель бургундского на скатерть.

— Может, теперь мы все-таки сменим тему?

Эбби смотрела, как он смакует вино. Марк глядел в сторону, стараясь не встречаться с нею глазами.

— Кто эта пациентка? — спросила Эбби. — Сколько ей лет?

— Я не хочу об этом говорить.

— Но ведь ты собираешься ее оперировать. И ее возраст ты должен знать.

— Сорок шесть, — буркнул Марк.

— Из какого штата?

— Она из Бостона.

— А я слышала, что ее должны доставить на самолете из Род-Айленда. Так мне сказали медсестры.

— Летом они с мужем живут в Ньюпорте.

— И кто ее муж?

— Некто по имени Виктор Восс. Кроме имени, я о нем ничего не знаю.

— И на чем же этот Восс заработал свои деньги?

— Я разве что-то говорил о деньгах?

— А летний дом в Ньюпорте? Марк, не надо делать из меня дурочку.

Марк по-прежнему смотрел не на нее. Он любовался цветом вина в бокале. А ведь до этого вечера он всегда ловил ее взгляд. Он смотрел только на нее. И она тоже смотрела только на него и видела все то, что поначалу так ее привлекало. Прямой взгляд. Эти морщинки у глаз, говорящие, что человек любит смеяться. Наверное, морщинки были одного

возраста с Марком. Эбби очень нравилась его живая, искренняя улыбка. Но сегодня Марк просто избегал смотреть на нее.

— Я и не знала, как легко, оказывается, купить сердце, — сказала она.

— Ты торопишься с выводами.

— Двум пациентам нужно новое сердце. Один — подросток из бедной семьи, попавший в клинику по линии обучения. У него даже нет медицинской страховки. Вторая — жена богача, у которой летний дом в Ньюпорте. Кому достанется приз? Ответ вполне очевиден.

Марк потянулся к бутылке и налил себе еще. Третий по счету бокал. Для человека, гордого своим умеренным образом жизни, это было равнозначно пьянству.

— Послушай, Эбби, — заговорил он. — Я и так целыми днями не вылезая из клиники. И за ее пределами мне меньше всего хочется обсуждать больничные темы. Давай побеседуем о чем-нибудь другом.

Они оба молчали. Сердце Карен Террио, словно плотное покрывало, гасило искры разговора на любую иную тему.

«Наверное, мы уже сказали друг другу все, что требовалось», — думала Эбби.

Быть может, в своих отношениях они достигли той печальной стадии, когда история жизни одного для другого уже не тайна и нужно искать новые темы для общения.

«Мы только полгода вместе, а уже начались полосы молчания».

— Этот парень напомнил мне Пита. Пит тоже был фанатом «Ред сокс».

— Кто?

— Мой брат.

Марк никак не отреагировал на ее слова. Он сидел ссутулясь, всей своей позой показывая, как ему неприятен этот разговор. Марку всегда было непросто говорить про Пита. Врачи ведь тоже не любят говорить о смерти. Недаром они напридумывали слов-заменителей. Врачи редко говорят о пациенте: умер. Начинается игра в слова: «исчерпал жизненные силы», «не смог вернуться к жизни», «достиг состояния, несовместимого с жизнью».

— Пит буквально с ума сходил по «Ред сокс», — произнесла Эбби. — У него была куча карточек с портретами игроков и результатами игр. Пит экономил на школьных завтраках и покупал карточки. А потом извел кучу денег на прозрачные конверты для них, чтобы сохранить каждую в первозданном виде. Карточка стоила цент, а конверт — пять центов. Но у десятилетнего мальчишки своя логика.

Марк глотнул вина. Он облачился в броню недовольства, игнорируя попытки Эбби продолжить разговор.

Идея праздничного обеда провалилась. Оба ели молча.

Дома Марк зарылся в хирургические журналы. Отступление было его обычной реакцией на

разногласия с Эбби. Наверное, она бы не возражала по-настоящему поскандалить с ним. В семье Ди Маттео было трое упрямых сестер и младший братишка Пит. Невзирая на обилие родственных стычек в детстве и подростковом возрасте, все члены семьи горячо и искренне любили друг друга. Что-что, а спорить до хрипоты Эбби умела.

Чего она не выносила — так это молчания вроде сегодняшнего.

Не зная, как избавиться от подавленного состояния, Эбби пошла на кухню и стала надраивать металлическую мойку.

«Я превращаюсь в двойника своей матери, — с презрением к себе подумала она. — Я сержусь и что при этом делаю? Убираю кухню».

Покончив с раковиной, Эбби отмыла верхнюю панель газовой плиты, после чего отвернула конфорки и начистила их до блеска. К тому времени, когда Марк поднялся в спальню, вся кухня просто сверкала.

Эбби тоже поднялась в спальню.

Они лежали в темноте. Рядом, но не прикасаясь друг к другу. Молчание Марка передалось Эбби, и она не знала, как прорвать эту завесу. Пусть она покажется жалкой и навязчивой, но она больше не в силах выносить эту пытку.

— Мне противно, когда ты так себя ведешь, — сказала Эбби. — Эбби, пожалуйста, не надо. Я устал.

— И я тоже. Мы оба устали. Похоже, теперь это наше обычное состояние. Но я не могу отвернуться и уснуть. И ты не можешь.

— Ладно. Что ты хочешь от меня услышать?

— Все что угодно! Я просто хочу, чтобы ты не переставал говорить со мной.

— Я не вижу смысла в бесконечных разговорах. Они отнимают силы.

— Но есть вещи, о которых мне просто необходимо с тобой поговорить.

— Говори. Я слушаю.

— Ты слушаешь как будто через стенку. У меня такое чувство, что я пришла на исповедь. Стою и говорю, даже не видя того, с кем говорю.

Эбби вздохнула. Она смотрела в темноту, и вдруг у нее возникло ощущение, что она плавает в воздухе. Свободная, ни с кем и ни с чем не связанная.

— Этот парень в палате интенсивной терапии. Ему всего семнадцать.

Марк молчал.

— Он мне очень напоминает брата. Конечно, Пит был намного младше. Но там такое же наигранное мужество, как у всех мальчишек. И Пит вел себя так.

— Это не только мое решение, — сказал Марк. — Другие согласились. Вся команда трансплантологов. Аарон Леви. Билл Арчер. Даже Джереми Парр.

— А при чем тут президент клиники?

— Парру нужна хорошая статистика. Все исследования показывают, что у амбулаторных пациентов чаще приживаются донорские органы.

— Если Джошу О’Дею в ближайшее время не сделать операцию, он долго не протянет.

— Да, Эбби, это трагично. Но такова жизнь.

Она оцепенела от его будничного тона.

Марк потянулся к ее кисти. Эбби отдернула руку.

— Ты бы мог их отговорить, — сказала она. —
Переубедить.

— Слишком поздно. Команда уже приняла решение.

— Да кто они такие — эта команда? Сонм богов?

Снова молчание. Долгое. Напряженное.

— Выбирай выражения, Эбби, — тихо произнес
Марк.

— У вас что, священный синклит?

— Тогда, у Арчера, все мы были очень откровенны с тобой. Скажу больше: Арчер мне потом говорил, что за последние три года он не встречал более подходящей кандидатуры, чем ты. Подходящей для работы в команде. Но Арчер осторожен в подборе людей, и я его не упрекаю. Нам нужны те, кто будет работать с нами, а не против нас.

— Даже если я не соглашаюсь с мнением остальных членов команды?

— Эбби, в этом и заключается работа в команде. У всех нас есть своя точка зрения. Но решения мы принимаем сообща, а приняв, твердо их придерживаемся.

Марк снова потянулся к ней. На этот раз Эбби не выдернула руку, но и не ответила на его пожатие.

— Эбби, не капризничай. Другие ординаторы пошли бы на что угодно, представься им возможность попасть в бейсайдскую команду трансплантологов. Тебе же эту возможность преподнесли на тарелочке.

Ты ведь хочешь работать в нашей команде?

— Конечно. Очень хочу. Я даже не знала, как сильно этого хочу, пока Арчер не завел тогда разговор...

Она сделала глубокий вдох и теперь выдыхала.

— Мне только не нравится одна моя особенность. Мне постоянно хочется большего. Всегда хотелось большего. Того, что вечно тянет и тянет меня вперед. Вначале хотела поступить в колледж, потом в медицинскую школу. Потом хирургическая ординатура. Теперь вот — приглашение в команду. Я ушла очень далеко от того, с чего начинала. А ведь когда-то мне всего лишь хотелось стать врачом...

— Но ведь теперь тебе этого недостаточно?

— Да. Жаль, что я не могу удовлетвориться имеющимся. Но мне действительно этого недостаточно.

— Тогда не упускай того, что само идет тебе в руки. Эбби, я тебя очень прошу. Ради нас обоих.

— Тебя послушать — получается, будто не я, а ты можешь все потерять.

— Это ведь я предложил твою кандидатуру. Я им сказал, что ты лучший выбор, который они могли бы сделать. — Марк посмотрел на нее. — Я по-прежнему так думаю.

Несколько минут они лежали молча, держа друг друга за руки. Потом Марк погладил ее по бедру. Это не было настоящим объятием, но хотя бы попыткой.

Эбби хватило. Она больше не противилась его ласкам.

В карманах полудюжины врачей одновременно запищали пейджеры. И почти сразу же из динамиков интеркома послышалось короткое объявление: — Синий код. Отделение интенсивной терапии. Синий код. Отделение интенсивной терапии.

Вместе с другими хирургическими ординаторами Эбби устремилась к лестнице. К тому времени, когда она вбежала в отделение, там было достаточнолюдно. Более чем достаточно для оповещения «синий код». Большинство ординаторов стали расходиться. Наверное, Эбби тоже ушла бы... если бы не увидела, что оповещение касалось койки № 4. Койки Джошуа О'Дея.

Эбби протолкалась сквозь кольцо белых халатов и зеленых хирургических костюмов. В центре лежал Джошуа О'Дей. Над его хрупким мальчишеским телом сверкал верхний свет. Ханна Лав делала непрямой массаж сердца. Другая медсестра лихорадочно рылась в ящиках каталки, вытаскивая ампулы и шприцы, которые тут же передавала врачам. Эбби взглянула на кардиомонитор.

Фибрилляция желудочков. Рисунок умирающего сердца.

— Интубационную трубку на семь с половиной! — потребовал чей-то голос.

Только сейчас Эбби заметила Вивьен Чао, склонившуюся над головой Джоша. В руках у нее был ларингоскоп.

Медсестра сорвала пластиковую упаковку с трубки

и протянула ее Вивьен.

— Продолжайте подачу кислорода! — распорядилась Вивьен.

Санитар, державший маску у лица Джошуа, жал на резиновую грушу, вручную нагнетая кислород в легкие мальчишки.

— Достаточно, — остановила его Вивьен. — Начинаем интубацию.

Санитар убрал маску. За считанные секунды Вивьен поставила Джошуа интубационную трубку и подсоединила кислородный шланг.

— Лидокаин введен, — доложила медсестра.

Ординатор отделения интенсивной терапии взглянул на монитор и поморщился:

— Черт. Фибрилляция сохраняется. Придется снова запускать дефибриллятор. Двести джоулей.

Медсестра подала ему пластины дефибриллятора. Места наложения уже были помечены токопроводящим гелем. Одна пластина легла возле грудины, вторая — вблизи соска.

— Всем отойти.

Тело Джошуа О’Дея пронзил электрический разряд, вызвав одновременное сокращение всех мышц. Тело вздыбилось в чудовищной судороге и снова обмерло.

Собравшиеся следили за кардиомонитором.

— Фибрилляция сохраняется, — сказал кто-то. — Нужна инъекция бретилия, двести пятьдесят миллиграммов.

Ханна, не дожидаясь распоряжений, возобновила

массаж сердца. Раскрасневшееся лицо медсестры было мокрым от пота и оцепенелым от страха.

— Давайте я вас подменю, — предложила Эбби.

Ханна молча кивнула и отошла.

Усевшись на табурет с упором для ног, Эбби коснулась груди Джошуа. Ее ладонь легла на нижнюю треть грудины. Грудь мальчишки была тощей и хрупкой: того и гляди треснет, если надавить посильнее. Эбби с некоторой опаской взялась за массаж.

Массаж не требовал никакого умственного напряжения. Руки вперед, руки назад, снова вперед и снова назад. Альфа-ритм при реанимации. Эбби одновременно была частью возникшего хаоса и находилась вне него. Сознание ее витало где-то в другом месте. Эбби не могла заставить себя смотреть на лицо Джошуа, следить за движениями Вивьен, закреплявшей интубационную трубку. Она смотрела лишь на тот участок груди, который массировала сомкнутыми руками. Грудина — анонимная часть тела. Она могла принадлежать кому угодно. Например, старику. Или совершенно незнакомому человеку. Вперед, назад. Вперед, назад.

— Всем отойти! — снова послышался чей-то голос.

Эбби послушно отошла. Еще один электрический разряд. Еще один секундный танец тела Джошуа. Гротескный танец.

Фибрилляция желудочков. Сердце подавало сигнал бедствия. Оно не справлялось.

Эбби вернулась на табурет и возобновила непрямой массаж сердца. Вперед, назад. «Джошуа, возвращайся, — говорили мальчишке ее руки. — Возвращайся к нам».

К гулу голосов добавился еще один.

— Попробуем ввести ему хлористый кальций. Сто миллиграммов, — сказал Аарон Леви.

Он стоял у Джошуа в ногах, глядя на монитор.

— Но пациенту уже вводили дигоксин, — сказал ординатор. — При его состоянии нам нечего терять.

Медсестра приготовила шприц.

— Сто миллиграммов хлористого кальция, — сказала она, подавая шприц ординатору.

Укол был внутривенным. Жалкая добавка в организм, и так уже нашпигованный лекарственной химией.

— Теперь дайте еще один разряд, — распорядился Аарон. — На этот раз четыреста джоулей.

— Всем отойти!

Эбби отошла. Картина повторилась: чудовищная судорога, после которой тело Джошуа замерло.

— Еще разряд, — велел Аарон.

Новая встряска. По экрану монитора тянулась прямая линия. После разряда она вернулась в прежнее состояние. Затем монитор издал слабый писк. Всего один раз. Слабый показатель желудочкового комплекса. Всего один. Сердце Джошуа отказывалось работать самостоятельно.

— Дайте еще разряд, — велел Аарон.

Получив четыреста джоулей, тело Джошуа снова

дернулось. Вокруг зашептались. Все смотрели на монитор.

Писк. Сигнал желудочкового комплекса. Еще один. И еще.

— Мы в синусе, — сказал Аарон.

— Появился пульс! — крикнула медсестра. — Я чувствую его пульс!

— Давление — семьдесят на сорок... теперь девяносто на пятьдесят...

По палате разнесся вздох облегчения. Ханна Лав плакала, не стесняясь врачей и других медсестер.

«С возвращением тебя, Джош», — мысленно произнесла Эбби.

Ее глаза тоже были полны слез.

Ординаторы постепенно расходились, но Эбби не могла заставить себя уйти. Сражение за жизнь Джошуа опустошило ее. Она молча помогала медсестрам собирать использованные шприцы и ампулы — эти стекляшки и кусочки пластика, неотъемлемые атрибуты каждого «синего кода». Рядом с нею Ханна Лав заботливо стирала с груди Джошуа токопроводящий гель.

Тишину палаты нарушил голос Вивьен.

— Сейчас ему бы могли пересаживать сердце.

Вивьен стояла возле тумбочки с бейсбольными трофеями Джошуа, теребя в руках ленточку времен его детства. Бойскауты-волчата. «Дерби соснового леса». Третий класс.

— Операцию можно было бы начать в десять утра, располагай мы донорским сердцем. Если этот парень

умрет, вина в его смерти ляжет на вас, Аарон.

Вивьен смотрела на Аарона Леви, подписывавшего бумаги, которыми всегда сопровождались экстраординарные события подобного рода. Сейчас его ручка застыла в воздухе.

— Доктор Чао, вам не кажется, что подобные разговоры в палатах не ведут? — тихо спросил он.

— А мне наплевать, слышит меня еще кто-то или нет! Перекрестная проба показала идеальную совместимость. Я рассчитывала, что Джош уже сегодня утром ляжет на операционный стол. Но вы мешкали с решением. Вы его откладывали, откладывали... Ненавижу эти проволочки!

Китаянка глубоко вдохнула и опустила голову, разглядывая детский трофей Джошуа.

— Не знаю, о чем вы только думаете. И вы, и все остальные.

— Пока вы не успокоитесь, я ничего не стану с вами обсуждать.

С этими словами Аарон повернулся и пошел к выходу.

— Нет, станете. Обязательно станете!

Вивьен поспешила вслед за ним.

Какое-то время Эбби еще слышала сердитый голос Вивьен. Ее вопросы. Требования объяснить, почему Джош не получил новое сердце.

Эбби нагнулась и подняла ленточку, оброненную Вивьен. Ленточка была зеленого цвета. Отнюдь не цвет победителя. Утешительный приз. Знак признания за долгие часы, потраченные на изготовление

деревянного автомобильчика, его шлифовку, покраску, смазывание колесных осей. За маленькие хитрости вроде рыболовных грузил, повышающих скорость движения. Все подобные усилия обязательно нужно вознаграждать. Неокрепшее «я» десятилетних мальчишек очень нуждается в признании.

В палату вернулась Вивьен. Она заметно побледнела. Некоторое время она молча смотрела на Джоша. Его грудь опускалась и поднималась, подчиняясь ритму дыхательной аппаратуры.

— Я забираю его отсюда, — сказала она.

— Что-о? — встрепенулась Эбби. — Куда?

— В Массачусетскую клиническую больницу, в отделение трансплантологии. Подготовьте Джоша к перевозке. Я сейчас созвонюсь с ними.

Обе медсестры не двинулись с места. Они молча смотрели на Вивьен.

— Он не в транспортабельном состоянии, — решила возразить Ханна.

— Если он останется здесь, мы его потеряем. Понимаете? Потеряем. Вы готовы это допустить?

Ханна взглянула на щуплую мальчишескую грудь, с которой все еще стирала гель.

— Нет, — торопливо прошептала она. — Нет. Я хочу, чтобы он жил.

— Там команду трансплантологов возглавляет профессор Иван Тарасов. Я училась у него в Гарвардской медицинской школе. Если наша команда не желает заниматься Джошем, им займется профессор Тарасов.

— Но даже если Джошуа выдержит перевозку, ему требуется донорское сердце, — напомнила Эбби.

— Вот мы об этом и позаботимся, — сказала Вивьен, в упор глядя на нее. — Он должен получить сердце Карен Террио.

Только сейчас до Эбби дошло, что ей надо сделать.

— Я немедленно переговорю с Джо Террио.

— Учти: все должно быть оформлено документально. Проследи, чтобы везде стояла его подпись.

— А как насчет жатвы? Бейсайдская команда нам не помощники.

— Тарасов обычно посылает на жатву своих людей. Мы будем ассистировать. Если понадобится, сами привезем ему сердце. Дорога каждая минута. Нужно все сделать очень быстро, пока нам здесь не начали мешать.

— Пойдите, — вступила в разговор вторая медсестра. — У вас ведь нет разрешения на перевозку Джоша в другую клинику.

— Есть, — возразила ей Вивьен. — Джош О'Дей поступил к нам по линии учебных программ. Это значит, что решение принимает старший ординатор. Всю ответственность я возьму на себя, а вы готовьте его к перевозке.

— Сейчас и начнем, доктор Чао, — сказала Ханна. — Я поеду с ним.

— Обязательно поедете.

Вивьен повернулась к Эбби.

— Что стоим, доктор Ди Маттео? — резко

спросила она. — Достань нам сердце.

Спустя полтора часа Эбби переделась в хирургический костюм. Закончив мыть руки, она вошла в операционную № 3.

Карен Террио лежала на столе. Ее бледное тело заливал яркий свет люминесцентных ламп. Медсестра-анестезиолог убирала бутылочки капельниц. Этой пациентке анестезия была не нужна. Карен Террио не чувствовала боли.

Возле стола в полном хирургическом облачении и перчатках стояла Вивьен. По другую сторону высился доктор Лим, хирург-почечник. Эбби уже приходилось работать с ним. Доктора Лима отличали немногословность и умение работать быстро.

— Все подписано и скреплено печатью? — спросила Вивьен.

— В трех экземплярах, — ответила Эбби.

Она сама составила текст соглашения о целенаправленной передаче донорского органа. Таким образом, передача сердца Карен Террио для пересадки семнадцатилетнему Джошуа О'Дею была зафиксирована документально.

На Джо Террио подействовал возраст мальчишки. Он все так же сидел у постели жены, держал ее руку и слушал слова Эбби о семнадцатилетнем парне, любящем бейсбол. Дослушав, Джо молча подписал соглашение.

Потом он в последний раз поцеловал жену.

Медсестра помогла Эбби надеть стерильный халат

и перчатки размера шесть с половиной.

— Кто будет изымать сердце? — спросила она.

— Доктор Фробишер из команды Тарасова. Я уже с ним работала, — сказала Вивьен. — Скоро должен подъехать.

— Как насчет переезда Джоша?

— Тарасов позвонил десять минут назад. Они получили все анализы Джоша и подготовили операционную.

Вивьен нетерпеливо смотрела на тело Карен.

— Я бы и сама извлекла сердце. Где этот чертов Фробишер?

Они подождали десять минут. Пятнадцать. Интерком возвестил о новом звонке Тарасова. Тот интересовался, как подвигается жатва.

— Пока никак, — ответила Вивьен. — С минуты на минуту ждем доктора Фробишера.

Наконец медсестра сообщила по интеркому, что доктор Фробишер приехал и переодевается.

Еще через пять минут в операционной появился Фробишер. С его мясистых рук капала вода.

— Перчатки девятого размера, — потребовал он.

Обстановка в операционной сразу же стала напряженной. За исключением Вивьен, никто из присутствующих не работал с Фробишером. Свирепое выражение его лица отнюдь не располагало к разговорам. Медсестры молча и проворно помогли ему надеть халат и перчатки.

Встав к столу, доктор Фробишер критически обвел глазами собравшихся и объект жатвы.

— Что, доктор Чао, опять неприятности? — спросил он.

— Как обычно, — ответила она и кратко представила собравшихся. — Доктор Лим займется почками. Мы с доктором Ди Маттео, если понадобится, будем ассистировать.

— Что с пациенткой?

— Сильнейшие травмы головы. Ее мозг мертв. Все необходимые документы на донорство органов подписаны. Возраст — тридцать четыре года. До катастрофы была практически здорова. Анализ крови произведен в полном объеме.

Рука Фробишера со скальпелем замерла над грудью Карен.

— Есть еще что-то, о чем я должен знать?

— Больше ничего. БОНА подтверждает высшую степень совместимости. Можете мне верить.

— Терпеть не могу, когда мне так говорят, — пробормотал Фробишер. — Хорошо, давайте-ка лучше быстренько глянем на наше сердечко и убедимся, что оно в хорошем состоянии. Потом отойдем от стола и не будем мешать доктору Лиму заниматься его делом.

Фробишер приложил скальпель к груди Карен Террио и одним быстрым движением произвел вертикальный разрез, обнажив грудину.

— Пилу для грудины, — потребовал он.

Хирургическая медсестра подала ему электрическую пилу. Эбби держала расширитель. Когда Фробишер принялся разрезать грудину, она

невольно отвернулась. Ее слегка тошнило от визга дисковой пилы и запаха костной пыли, чего никак нельзя было сказать о Фробишере. Его руки двигались быстро и умело. Очень скоро он добрался до грудной полости. Скальпель замер возле околосердечной сумки.

Самой грубой частью операции был распил грудины. Дальнейшие действия отличались гораздо большей деликатностью. Фробишер вскрыл мембрану.

Увидев бьющееся сердце, он удовлетворенно хмыкнул.

— Ваше мнение, доктор Чао? — спросил он у ассистентки. Вивьен молча и с каким-то благоговением проникла глубоко в грудную полость. Казалось, она ласкает сердце. Пальцы гладили его стенки, ощупывая каждую коронарную артерию. Сердце энергично билось в ее руках.

— Какое прекрасное сердце, — тихо сказала Вивьен, сияющими глазами взглянув на Эбби. — Будто специально для Джоша.

Заверещал интерком.

— Звонит доктор Тарасов, — послышался в динамике голос дежурной медсестры.

— Передайте ему, что сердце выглядит замечательно, — сказал Фробишер. — Мы начинаем изымать почки.

— Доктор Тарасов хочет поговорить с кем-нибудь из наших врачей. По его словам, это очень важно.

— Поговори с ним, — велела Вивьен.

Эбби сняла перчатки и подошла к настенному

телефону.

— Добрый день, доктор Тарасов. Я — Эбби Ди Маттео, ординатор клиники. Могу сказать, что сердце выглядит просто замечательно. Через полтора часа мы будем у вас.

— Вы можете опоздать, — ответил Тарасов.

В трубке слышались торопливые переговоры, лязг хирургических инструментов. Сам Тарасов казался напряженным, он постоянно отвлекался. Он словно вообще забыл об их беседе. Сейчас он отдавал распоряжения. Потом вспомнил про телефон.

— Вы слушаете? За последние десять минут у этого парня дважды останавливалось сердце. Мы только что снова вернули его в синусный ритм. Но долго ждать мы не можем. Мы вынуждены подключить его к аппарату искусственного кровообращения, иначе парень не жилец.

Доктор Тарасов снова отвел трубку ото рта, выслушивая чье-то сообщение.

— Мы будем готовить его к операции. Ждем сердце, и как можно быстрее.

Эбби повесила трубку.

— Они собираются подключать Джоша к искусственному сердцу, — сказала она Вивьен. — Его собственное останавливалось дважды. Им позарез нужно донорское.

— Чтобы извлечь почки, мне понадобится час, — сказал доктор Лим.

— Почки подождут, — возразила Вивьен. — Нужно изымать сердце.

— Но...

— Она права, — поддержал китайку Фробишер.
— Кардиоплегический раствор со льдом! — крикнул он медсестре. — Готовьте трансплантационный контейнер. И пусть кто-нибудь почешется насчет санитарного транспорта.

— Мне одеваться? — спросила Эбби.

— Не надо. — Вивьен потянулась к расширителю.
— Мы справимся за несколько минут. Ты примешь сердце и поедешь в МКБ.

— А как же мои пациенты?

— Я тебя прикрою. Оставь мне свой бипер. Положи на столе в раздевалке.

Одна медсестра принялась наполнять льдом медицинский контейнер-термос. Вторая принесла к операционному столу несколько ведерок холодного кардиоплегического раствора. Дальнейших указаний Фробишера не понадобилось: обе медсестры работали с кардиохирургами и хорошо знали свое дело. Скальпель в руке Фробишера быстро делал подготовительные надрезы. Сердце Карен Террио продолжало биться, насыщая кровь кислородом. Теперь его биение должно будет прекратиться. Оборвется последняя ниточка, связывавшая Карен с жизнью.

Фробишер ввел в корень аорты пятьсот кубиков высокопроцентного калийного раствора. Сердце еще билось. Один удар. Второй... Вот и все.

Сердце остановилось и сразу обмякло. Его мышцы парализовала инъекция. Эбби инстинктивно

оглянулась на монитор. По экрану тянулась ровная линия. Карен Террио была мертва окончательно и бесповоротно.

Чтобы охладить сердце, медсестра вылила в грудную полость ведерко ледяного кардиоплегического раствора. Затем Фробишер обрезал и перевязал сосуды.

Вскоре он вынул сердце Карен и опустил в ванночку. Холодный бесцветный раствор окрасился кровью. К Фробишеру подошла медсестра, держа наготове открытый полиэтиленовый мешок. Фробишер слегка промыл сердце в растворе, затем опустил в мешок. Туда долили еще некоторое количество раствора. Мешок для надежности поместили во второй мешок, а затем — в трансплантационный контейнер.

— Сердце ваше, доктор Ди Маттео, — сказал Фробишер. — Поезжайте на «скорой». Я поеду на своей машине.

Эбби взяла термос. На выходе из операционной ее догнало предостережение Вивьен: — Смотри не урони.

5

«Я держу в руках жизнь Джоша О’Дея», — думала Эбби, сжимая лежащий на коленях трансплантационный контейнер.

Бостонские дороги в это время дня были густо запружены транспортом, но мигалки «скорой помощи» творили чудеса. Как по волшебству, водители расступались, освобождая путь. Эбби впервые ехала на «скорой». В другое время и при иных обстоятельствах она бы наслаждалась поездкой. Она бы веселилась, наблюдая, как бостонские водители, считающиеся самыми грубыми в мире, пусть и нехотя, но уступают дорогу. Но сейчас все внимание Эбби было приковано к драгоценному грузу. Каждая новая секунда уменьшала шансы Джоша О’Дея на жизнь.

— Что, док, везете живую запчасть? — спросил водитель, которого, судя по бейджу, звали Г. Фурильо.

— Сердце, — ответила Эбби. — Прекрасное сердце.

— И для кого?

— Для семнадцатилетнего парня.

Фурильо маневрировал среди притормаживающих машин. Его руки двигались без малейшего напряжения. Он управлял «скорой» с каким-то непринужденным изяществом.

— Мне случалось ездить в аэропорт за почками.

Но должен вам сказать: сердце везу впервые.

— Я тоже.

— Сколько оно остается живым? Часов пять?

— Что-то около этого.

— Да вы расслабьтесь, — посоветовал Фурильо. — Когда приедем на место, у вас в запасе останется четыре с половиной часа.

— Я волнуюсь вовсе не из-за сердца. Из-за мальчишки. Он в тяжелом состоянии, потому меня и просили поторопиться.

Фурильо еще внимательнее следил за дорогой.

— Почти приехали. Самое большее — пять минут, и мы на месте.

В это время ожила его рация.

— Машина двадцать три, ответьте Бейсайду. Машина двадцать три, ответьте Бейсайду.

Фурильо потянулся к микрофону:

— Двадцать третья слушает. Фурильо.

— Двадцать третья, просим вернуться в Бейсайд, отделение скорой помощи.

— Это невозможно. Я везу донорский орган в Массачусетскую клинику. Вы поняли? Я еду в МКБ.

— Двадцать третья, требуем вашего возвращения в Бейсайд. Немедленно.

— Бейсайд, поищите другую машину. Мы везем живой орган.

— Двадцать третья, вам приказано немедленно возвращаться в Бейсайд.

— Чье это распоряжение?

— Доктора Аарона Леви. Вы не имеете права ехать в МКБ. Вы поняли?

Фурильо вопросительно посмотрел на Эбби:

— Чего они там шумиху подняли?

«Хватились, — подумала Эбби. — Они все поняли и теперь пытаются нас остановить...»

Контейнер, лежавший у нее на коленях, заключал в себе месяцы и годы жизни для семнадцатилетнего мальчишки.

— Не возвращайтесь, — попросила водителя Эбби.
— Довезите меня до МКБ.

— Что?

— Я сказала — доведите меня до МКБ.

— Но мне приказывают вернуться.

— Машина двадцать три, ответьте Бейсайду, — надрывалась рация. — Где вы?

— Довезите меня до Массачусетской клинической!
— почти требовательным тоном произнесла Эбби.

Фурильо покосился на рацию:

— Ну и заковыка. Кого же мне слушать?

— Тогда высадите меня прямо здесь! Дальше я пойду пешком.

— Машина двадцать три, ответьте Бейсайду. Немедленно ответьте Бейсайду.

— Да пошли вы! — пробормотал Фурильо и прибавил газу.

У подъездного пандуса их уже ждала медсестра в хирургическом костюме.

— Из Бейсайда? — спросила она, едва Эбби вылезла из «скорой».

— Я привезла сердце.

— Идемте со мной.

Эбби едва успела поблагодарить Фурильо и поспешила вслед за медсестрой. Она почти бежала. Словно видеопленка на перемотке, перед ней мелькали людные коридоры и холлы. Они вошли в лифт. Медсестра вставила в прорезь специальный ключ, чтобы лифт не остановили на промежуточных этажах.

— Как парень? — спросила Эбби.

— Подключили к искусственному сердцу. Мы больше не могли ждать.

— Его сердце снова останавливалось?

— Оно уже практически не работало.

Медсестра выразительно посмотрела на трансплантационный контейнер.

— Вы привезли ему последний шанс.

Они вышли из лифта. Снова бегом по коридорам, через автоматические двери. Туда, в хирургическое крыло.

— Мы на месте. Давайте контейнер.

Через широкое окно Эбби увидела множество лиц в хирургических масках. Контейнер несколько раз передавали из рук в руки, после чего открыли. Сердце, предназначенное Джошу, покинуло ледяные недра.

— Если хотите присутствовать при пересадке, переоденьтесь, — сказала Эбби медсестра. — Женская раздевалка вон там.

— Спасибо. Я очень хочу.

К тому времени, когда Эбби надела чистый

хирургический костюм, шапочку и бахилы, хирурги удалили из груди Джоша О’Дея его собственное большое сердце. Эбби было не протолкнуться к операционному столу. Зато она слышала разговоры врачей. Знакомая обстановка несколько успокоила Эбби. Все операционные выглядели одинаково: те же инструменты из нержавеющей стали, те же голубовато-зеленые шторы и яркий свет. Но в каждой операционной была своя атмосфера, и она напрямую зависела от личности главного хирурга.

Судя по непринужденным разговорам, с Иваном Тарасовым врачам работалось легко.

Эбби обошла вокруг стола и остановилась рядом с анестезиологом. Кардиомонитор над головой показывал безупречную прямую. Сердца в груди Джоша не было. Мальчишка жил за счет аппарата, гонявшего кровь по его телу. Веки Джоша заклеили лентой, уберегая роговицу от высыхания. На голову ему надели бумажную шапочку, из-под которой выбивался один темный завиток.

«Все еще живой, — подумала Эбби. — Ничего, парень. Ты будешь жить».

— Вы из Бейсайда? — шепотом спросил анестезиолог.

— Всего лишь курьер. Как было до операции?

— Одно время парнишка просто висел на волоске. Но теперь худшее позади. Тарасов у нас быстрый. Уже до аорты добрался.

Иван Тарасов с его седыми кустистыми бровями и добродушным взглядом был олицетворением

дедушки, о каком мечтает ребятня. Все распоряжения, будь то новая хирургическая игла или увеличение мощности аспирационного насоса, он отдавал мягко и вежливо, словно просил налить ему еще чашечку чая. Никакой игры на публику, никакого зашкаливающего эго. Просто специалист, тихо и сосредоточенно делающий свою работу.

Эбби снова подняла глаза к монитору. Все та же прямая линия.

По-прежнему — никаких признаков живого сердца.

Родители Джоша О'Дея то плакали, то смеялись. В комнате ожидания былолюдно. Все, кто там находился, радостно улыбались. Часы показывали шесть вечера. Все страхи, с которых начался этот день, остались позади.

— Новое сердце работает просто замечательно, — сказал доктор Тарасов. — Оно начало биться даже раньше, чем мы ожидали. Это хорошее, здоровое сердце. Оно прослужит Джошу всю жизнь.

— Мы этого просто не ожидали, — признался мистер О'Дей. — Нам позвонили и сказали, что сына везут сюда. «Возникла необходимость» — и больше никаких объяснений. Мы уж подумали... подумали...

Он отвернулся и обнял жену. Они стояли, прижавшись друг к другу, не в силах вымолвить ни слова.

К ним подошла медсестра:

— Мистер и миссис О'Дей, если хотите, можете

пройти к сыну. Он просыпается.

Тарасов с улыбкой смотрел, как родителей Джоша уводят в реанимационную палату. Затем повернулся к Эбби. Его голубые глаза возбужденно блестели за стеклами очков в тонкой оправе.

— Потому мы этим и занимаемся, — тихо сказал он. — Ради таких мгновений.

— А ведь его жизнь висела на волоске, — кивнула Эбби.

— На тонюсеньком волоске. — Тарасов покачал головой. — Видно, я старею, раз смерть каждого пациента бьет меня все больше.

Тарасов повел Эбби в комнату отдыха, где налил ей и себе кофе. С чашкой в руках и с седой гривой всклокоченных волос он сейчас больше напоминал рассеянного университетского профессора, нежели прославленного торакального хирурга.

Он подал Эбби чашку.

— Скажите Вивьен, пусть в следующий раз даст мне хоть немного времени на подготовку. А то не успела позвонить, как нам уже привезли этого мальчишку. У меня самого чуть сердце не остановилось.

— Вивьен знала, что делает. Она не напрасно отправила Джоша к вам.

— Вивьен Чао всегда знает, что делает, — засмеялся Тарасов. — Это у нее еще со студенческих лет.

— Теперь она у нас старший ординатор.

— Вы ведь тоже бейсайдский хирург?

— Ординатор второго года, — ответила Эбби, потягивая горячий кофе.

— Хорошо. В хирургии все еще мало женщин. И слишком много мачо. А им бы только резать.

— Странно слышать такое от мужчины-хирурга.

Тарасов взглянул на других врачей, стоявших возле кофеварки.

— Кошунство в малых дозах полезно для здоровья, — шепнул он.

Эбби залпом допила кофе, потом взглянула на часы.

— Я должна возвращаться в Бейсайд. Мне может влететь за задержку. Но я рада, что видела операцию. — Она улыбнулась хирургу. — Спасибо вам, доктор Тарасов. Вы спасли этому парню жизнь.

Он покачал головой:

— Что вы, доктор Ди Маттео. Я кто-то вроде... водопроводчика. Подсоединил трубы, заизолировал в нужных местах. Главное — сердце, которое вы вовремя привезли.

В Бейсайд Эбби вернулась на такси уже в восьмом часу вечера. Первым, что она увидела, было ее имя, светившееся на информационном табло. Ее просили срочно позвонить дежурному оператору.

— Ди Маттео на линии, — сказала она, сняв трубку ближайшего внутреннего телефона.

— Доктор, мы уже несколько часов отправляем сообщения на ваш пейджер, — сказал оператор.

— Меня должна была подменить Вивьен Чао. Я

оставила ей свой бипер.

— Ваш бипер у нас. Вас разыскивал мистер Парр.

— Джереми Парр? — удивилась Эбби.

— Позвоните в администрацию. Его добавочный пять-шесть-шесть.

— Но уже восьмой час. Неужели мистер Парр еще на работе?

— Пять минут назад был.

Эбби повесила трубку. В животе противно заурчало от ощущения тревоги. Джереми Парр, президент клиники, был администратором, а не врачом. С ним она говорила всего один раз, на пикнике, устроенном в честь новых ординаторов. Обычное рукопожатие, обычный набор вежливых фраз, и Парр отошел, чтобы поприветствовать других гостей. По той короткой встрече он показался Эбби человеком спокойным и невозмутимым. И еще — любителем дорогих костюмов.

Естественно, они встречались и потом: то в лифте, то в коридорах. Вежливые улыбки, вежливые кивки. Вряд ли Парр помнил ее имя. И вот теперь, в восьмом часу вечера, президент клиники повсюду ее разыскивал.

«Это не к добру, — подумала Эбби. — Ох, не к добру».

Она подошла к городскому телефону и набрала домашний номер Вивьен. Прежде чем идти к Парру, нужно разведать обстановку. Вивьен наверняка знает, что к чему.

Телефон не отвечал.

Эбби повесила трубку. Ей становилось все тревожнее.

«Время пожинать плоды содеянного. Мы приняли решение. Мы спасли мальчишке жизнь. Как можно нас в этом винить?»

Ее сердце гулко билось. Эбби вызвала лифт и поднялась на второй этаж.

Административное крыло освещалось одиночными люминесцентными трубками на потолке. Эбби шла под этой полоской света. Ковровая дорожка гасила звук ее шагов. Кабинеты по обе стороны коридора пустовали. Рабочий день сотрудников администрации закончился более часа назад. Но в дальнем конце коридора из-под дверей выбивалась полоска яркого света. Это был конференц-зал.

Эбби подошла к двери. Постучалась.

Дверь открыл сам Парр. Его лицо, освещенное сзади, было непроницаемым. За столом сидело человек пять или шесть. Люди из команды трансплантологов. Здесь были Билл Арчер, Марк и Мохандас.

— А вот и доктор Ди Маттео, — сказал Парр.

— Прошу меня извинить. Я не знала, что вы пытались со мной связаться, — торопливо проговорила Эбби. — Меня не было в клинике.

— Мы знаем, где вы были.

Парр вышел из конференц-зала. Вслед за ним вышел Марк. Эбби поняла, что тоже должна выйти. Дверь оставалась полуоткрытой. Эбби видела, как Арчер поднялся с места и плотно закрыл дверь.

— Идемте в мой кабинет, — бросил Парр.

Едва они там оказались, Парр шумно захлопнул дверь.

— Вы понимаете, какой вред причинили нашей клинике? У вас есть хоть малейшее представление об этом?

Эбби взглянула на Марка. Никаких подсказок. Маска на лице любимого человека. Это испугало ее сильнее, чем гнев Парра.

— Джош О’Дей жив, — сказала Эбби. — Донорское сердце спасло ему жизнь. Я не усматриваю в этом никакой ошибки.

— Ошибка в том, каким образом все было сделано, — ответил ей Парр.

— Мы стояли у его койки. Видели, как он умирает. Совсем еще мальчишка, которому...

— Эбби, мы обсуждаем не твои инстинктивные побуждения, — перебил ее Марк. — Они были самыми благими. В этом никто не сомневается.

— Какие, к черту, побуждения, Ходелл? — взорвался Парр. — Они украли это проклятое сердце! Они прекрасно понимали, как это называется. Им было наплевать на тех, кого они втянули в свою авантюру! На медсестер. На водителей «скорой помощи». Они даже доктора Лима впутали!

— В данном случае правила предписывали Эбби подчиняться распоряжениям старшего ординатора. Это она и делала. Выполняла распоряжения.

— Такое нельзя оставлять безнаказанным. Увольнением старшего ординатора тут не обойтись.

Вивьен? Ее уволят? Эбби вопросительно посмотрела на Марка.

— Вивьен во всем призналась, — сказал Марк. — Она признаёт, что заставила тебя и медсестер действовать с нею заодно.

— Я сильно сомневаюсь, что доктора Ди Маттео можно так легко заставить, — сказал Парр.

— А как насчет Лима? — спросил Марк. — Он ведь тоже был в операционной. Вы собираетесь и его выгнать из клиники?

— Лим понятия не имел об этой аванюре. Он всего лишь изымал почки. Ему сообщили, что в Массачусетской клинике на столе лежит пациент, ждущий донорское сердце. Так было написано в заявлении о целенаправленной передаче. Заявлении, подписанном, между прочим, в вашем присутствии, — добавил Парр, выразительно глядя на Эбби.

— Джо Террио добровольно подписал заявление, — сказала Эбби. — Он согласился на то, чтобы сердце передали Джошу.

— А это значит, что никого нельзя обвинить в краже донорского органа, — подчеркнул Марк. — Вы сами знаете, Парр, все было оформлено строго по закону. Вивьен знала, за какие ниточки дергать, и дернула. И одна из ниточек вела к Эбби.

Эбби приготовилась защищать Вивьен, но увидела предостерегающий взгляд Марка: «Осторожно! Не рой себе могилу».

— У нас есть пациентка, которую привезли в клинику, пообещав пересадку сердца. А теперь...

теперь у нас нет донорских сердец. Что я скажу ее мужу? «Извините, мистер Восс, неувязочка вышла. Сердце уехало по другому адресу». Это я ему скажу?

Лицо Парра, повернутое к Эбби, от гнева совсем окаменело.

— Вы, доктор Ди Маттео, всего-навсего ординатор. Вы осмелились решать вопросы, которые значительно превосходят ваше положение в клинике и вашу компетенцию. Восс уже знает о вашем геройстве. И теперь Бейсайду придется за это платить. И дорого платить.

— Не усугубляйте, Парр, — осадил его Марк. — Случившееся пока не достигло такого уровня.

— Думаете, Виктор Восс не обратится к своим адвокатам? — А причина? Закон разрешает целенаправленную передачу донорских органов. Согласно заявлению Джо Террио, сердце должны были пересадить именно этому парню.

— Заявление появилось только потому, что она заставила этого несчастного поставить свою подпись!

Парр разве что не тыкал в Эбби пальцем.

— Я всего лишь рассказала ему про Джоша О’Дея, — возразила она. — Попросила представить умирающего парня, которому всего семнадцать...

— Одного этого достаточно, чтобы вас уволить, — заявил Парр. Он взглянул на часы. — С половины восьмого вечера вы более не являетесь ординатором нашей клиники.

Эбби в ужасе смотрела на президента Бейсайда. Она хотела возразить, но у нее сдавило горло.

— Вы не сможете этого сделать, — сказал Марк.

— Почему?

— По одной причине. Такие решения принимает руководитель ординатуры. Зная Генерала, сомневаюсь, что он позволит кому бы то ни было захватывать его полномочия. Это первое. Второе: у нас заметная нехватка хирургов младшего звена. Если мы потеряем Эбби, дежурства в отделении торакальной хирургии участвуют. Врачи начнут уставать. А утомленные врачи делают ошибки. И вы, Парр, знаете цену этих ошибок. Если вам скучно без адвокатов и судебных разбирательств — это самый надежный способ навлечь и то и другое.

Марк повернулся к Эбби:

— Ты вроде дежуришь завтра вечером?

Она кивнула.

— Что будем делать, Парр? Вы не подскажете, кто из ординаторов второго года может заменить Эбби?

Джереми Парр сердито блеснул глазами на Марка:

— Все это временно. Затишье перед бурей. — Он повернулся к Эбби. — Завтра вы услышите первые громовые раскаты. А теперь сгиньте с глаз моих.

На негнущихся ногах Эбби покинула кабинет Парра. В оцепеневшем мозгу не было ни одной мысли. Пройдя половину коридора, она остановилась. Оцепенение сменилось желанием сесть на пол и зареветь. Она бы так и сделала, не будь рядом Марка. Он шел следом за ней.

— Эбби, ты даже не представляешь, какая война шла здесь весь день. Как тебя угораздило встрять во

все это? Ты хоть понимала, что делаешь?

— Я спасала жизнь одного мальчишки. И хорошо понимала, что делаю.

У нее дрожал голос, прерываемый всхлипываниями.

— И мы спасли его. Марк, он будет жить. По моему, этим и должны заниматься врачи. Я не выполняла чужих приказов. Я руководствовалась собственными побуждениями. Собственными!

Она сердито смахнула набежавшие слезы.

— Если Парр собирается меня уволить, пусть попробует. Я готова выступить перед любой комиссией по этике и представить факты. Семнадцатилетний парень и жена какого-то богача. Я сумею показать, из-за чего вспыхнула вся эта шумиха. Возможно, меня все равно уволят. Но им это так просто не сойдет.

Эбби повернулась и пошла дальше.

— Есть другой способ. Еще легче, — сказал ей Марк.

— Ничего другого мне не придумать.

— Послушай меня. — Марк снова взял ее за руку. — Пусть все шишки валятся на Вивьен. Ей так и так больше у нас не работать.

— Я не только выполняла ее указания. Я тоже хотела, чтобы сердце досталось этому парню.

— Эбби, не упускай того, что само плывет тебе в руки! Вивьен уже взяла всю вину на себя. Она сделала это, чтобы оградить тебя и медсестер. Не надо играть в благородство.